

ПИСЬМА ФРИДРИХА БОДЕНШТЕДТА

(1861—1866)

Публикация Анри Г р а н ж а р а (Франция) *

Весной 1861 г. Тургенев, которому, как и его друзьям Виардо, казалось, что в так называемой либеральной империи Наполеона III уже нечем дышать, приехал в Мюнхен. И он и его друзья мечтали обосноваться в Германии; три года спустя им удалось это осуществить. Однако уже в 1861 г. у Тургенева возникло желание завязать сношения с немецкой интеллигенцией, в частности с группой, которую Максимилиан II собрал близ себя в Мюнхене. Особенно привлекал Тургенева крупнейший новеллист Пауль Гейзе.

Вполне естественно, что Фридрих *Боденштедт* (1819—1892), который преподавал с 1854 до 1858 г. славянские языки и литературы в Мюнхенском университете и провел восемь лет (1837—1845) в России и на Кавказе, стал посредником между великим русским романистом и знаменитым немецким писателем. Хотя Боденштедт, после возвращения в Германию, некоторое время занимался английской литературой, в особенности Шекспиром и его эпохой,— почти все его литературные произведения были связаны с пребыванием в царской империи: книга «Die Völker des Kaukasus und ihre Freiheitskämpfe gegen die Russen» («Народы Кавказа и их освободительная борьба против русских». Frankfurt, 1848, 2 тома) являлась одновременно историческим трудом и обширным репортажем о незадолго до того закончившейся войне; книга «Tausend und ein Tag im Orient» («Тысяча и один день на Востоке». Berlin, 1850, 2 тома) содержала воспоминания о путешествии и «Песни Мирзы Шаффи» (опубликованные отдельно в 1851 г.). К этому можно добавить еще эпическую поэму «Ada, die Lesghierin» («Лезгинка Ада», 1852). Но, в основном, Боденштедт был известен как переводчик Лермонтова (Berlin, 1852, 2 тома) и Пушкина (Berlin, 1854—1855, 3 тома).

Боденштедт привлекал Тургенева своей добросовестностью, Gründlichkeit **, бесхитростностью хорошего литературного ремесленника. Тургенев был достаточно знаменит, чтоб иметь право выбирать себе переводчиков, и он сделал Боденштедта своим представителем в немецкой читательской среде. Мериме и Луи Виардо во Франции, Рольстон в Англии были облечены подобными же полномочиями.

Письма Тургенева к Боденштедту были впервые опубликованы в 1887 г. в «Русской старине» (№ 5, стр. 443—496, под заглавием «Переписка И. С. Тургенева с Фр. Боденштедтом в 1861—1865 гг.» — 31 письмо на французском и немецком языках, в сопровождении русских переводов; они вошли в издание писем Тургенева Академии наук). Ответы Боденштедта до сих пор оставались неизданными. Они находятся в папках парижского тургеневского фонда, созданного в Национальной библиотеке благодаря г. Андре Мазону, директору Института славяноведения (№ 147 В-7 и 118 Д-68—14 писем — см. А. М а з о н***). Теперь они дают возможность значительно расши-

* Перевод предисловия с французского Л. Р. Л а н с к о г о; перевод писем Боденштедта с немецкого Н. Д. Э ф р о с.

** основательностью (нем.).

*** По описанию Мазона (стр. 109), папка 147 В-7 содержит 14 писем, папка 118 Д-68 — одно письмо. Среди этих писем случайно оказалось одно письмо Морица Гартмана на немецком языке. Таким образом, писем Боденштедта 14, а не 15.

рить прежнее представление о литературной дружбе, которая соединяла в течение нескольких лет немецкого поэта, воссоздавшего, во всей оригинальной свежести, песни мусульманского мирзы из Тифлиса, и русского писателя, потрясшего современников описанием безотрадной жизни крестьян у себя на родине.

Заметим, однако, что до нас дошла не вся их переписка. Об этом свидетельствует неравное содержание обоих пакетов с письмами, в которых находится 31 письмо Тургенева и только 14 — Боденштедта. Множество писем Боденштедта отсутствует в нашей папке. Мы не располагаем ответами на письма Тургенева от 16 ноября и 10 декабря 1862 г.; 8 октября 1863 г.; 6 февраля, 13 июня, 27 июня, 18 октября, 23 декабря 1864 г.; 7 марта, 26 апреля, 8 мая, 5 августа, 13 сентября, 22 октября и 17 ноября 1865 г.* Как ни велики эти пробелы, все же теперь представляется возможным более точно определить, какие услуги оказывал Тургеневу Боденштедт**.

После австро-прусской войны 1866 г. Боденштедт покинул Мюнхен, где, по его словам, он убедился, что «выражение *работать на прусского короля* применимо и к другим королям» (см. п. № 14). Весной 1867 г. он был назначен руководителем драматической части Мейнингенского театра. Уехав из Мюнхена, он вскоре прекратил переписку с Тургеневым, который, впрочем, нашел другого переводчика, другого литературного посла — своего друга Людвиг Пича, берлинского художника, критика и журналиста.

Боденштедт оказал Тургеневу и Полине Виардо большую услугу. В Бадене Виардо положила на музыку несколько стихотворений русских поэтов. Тургенев составил из них два альбома романсов. Для перевода шести стихотворений Пушкина и шести стихотворений Фета обратились к автору «Песен Мирзы Шаффи» (письма Тургенева от 6 и 15 июля 1863 г.). Тургенев присоединил к этим стихотворениям и свое собственное «Синица» (письмо Тургенева от 8 октября 1863 г.). Боденштедт выполнил это поручение (см. его письма от 11 и 13 июля 1863 г. и от 10 февраля 1864 г.). В 1865 г. Виардо положила на музыку еще двенадцать стихотворений Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Тютчева и Фета (письмо Тургенева от 7 марта 1865 г.), и Боденштедт перевел на немецкий язык шесть из них (письмо Боденштедта от 12 марта 1865 г.). Этот второй альбом Тургенев поручил издать в Петербурге, и на его распространение он истратил значительную сумму, не рассчитывая при этом на большой успех. Характерно, что Тургенев больше заботился о переводе этих романсов, чем собственных произведений. В отношении этих последних он предоставил Боденштедту почти полную свободу; когда же речь заходила о стихотворениях Пушкина или Фета, он категорически требовал, чтобы ритм оригинала был сохранен, живо критиковал неудачные места, иногда предлагая собственную редакцию отдельных стихов (письма Тургенева от 6 июля 1863 г. и 2 апреля 1865 г.).

Именно этот эпизод дает возможность особенно наглядно увидеть разницу в положении обоих корреспондентов. Письма Тургенева, писателя с европейским именем, — скорее деловые записки, краткие, суховатые, обстоятельные только тогда, когда его пожелания оказываются исполненными недостаточно точно. Он очень сдержан, не сообщает о себе никаких подробностей, кроме тех случаев, когда его переводчику нужна биографическая справка. Только летом 1865 г., узнав, что Боденштедт болеет и недоволен своей работой «на прусского короля» в Мюнхене, Тургенев проникается сочувствием, несколько раз предлагает ему приехать отдохнуть в Баден-Баден и даже окончательно там обосноваться. Боденштедт же, в противоположность Тургеневу, не отличается сдержанностью. Он сразу раскрывает в письмах душу своему знаменитому корреспонденту. В присущей ему несколько многословной манере, тяжеловатым языком, он сообщает о своем желании как следует выполнить свой труд, объясняет, почему переводы его не обманут ожиданий Тургенева. Он подробно описывает все свои хлопоты, связанные с публикацией того или иного перевода, подсказывает весьма наивное средство для поощрения слабееющего усердия издателя; он пространно рассказы-

* Здесь и далее все письма Тургенева к Боденштедту датированы по новому стилю.

** Теме «Боденштедт — переводчик Тургенева» посвящена глава в статье X. Р а п п и х а «Тургенев и Боденштедт» в настоящем томе. — *Ред.*

вает о своих бесчисленных заботах, болезни или, вернее, болезнях, которые мешают ему работать, как ему хотелось бы, о денежных затруднениях, семейных тяготах, маленькой войне, которую он ведет при дворе Максимилиана II со своим соперником, поэтом Гейбелем (письмо Боденштедта от 14 декабря 1862 г.); Боденштедт сообщает, наконец, о своей литературной деятельности: одновременно с переводом Тургенева он печатал

ФРИДРИХ БОДЕНШТЕДТ

Гравюра К. Меркеля

Из книги: «Moderne Klassiker. Deutsche Literaturgeschichte der neueren Zeit».
Bd. 59, Cassel, 1854

на немецком языке сонеты Шекспира. Это издание («William Shakespeares Sonette in deutscher Nachdichtung», 1862) явилось для соотечественников Боденштедта подлинным откровением. В это же время он был занят публикацией своих собственных сочинений: книги «Эпические стихотворения» («Erische Dichtungen», 1862) и двух томов рассказов (1862 и 1863).

Измученный всеми этими тревожениями, занятиями, хлопотами, обвиняемый критикой в дилетантизме, бедняга Боденштедт продолжал, однако, храбро бороться. Уважение, с которым к нему относился Тургенев, доказывает, что он неплохо и с большим мужеством выполнял свои обязанности. 14 писем, публикуемых ниже, дают возможность увидеть в подлинном свете этого усердного литературного труженика.

⟨Мюнхен. 13/25 декабря 1861 г.⟩

Mein lieber und hochverehrter Iwan Sergéjéwitsch!

Um mit Ehren als ein Deutscher zu bestehen (wozu bekanntlich gehört, sehr pünktlich und gewissenhaft zu sein), beantworte ich Ihren Brief vom 22. d. M. auf der Stelle, so daß in derselben Stunde, in der er eingetroffen ist, diese Antwort darauf noch abgehen soll¹. Es hat mich sehr gefreut, ein Lebenszeichen von Ihnen zu erhalten, nachdem ich lange vergebens darauf gewartet. Sie müssen nämlich wissen, daß ich Ihnen schon im Monat September ausführlich geschrieben habe, zunächst um Ihnen zu danken für Ihre Büchersendung², die mir sehr große Freude gemacht und noch fortwährend großen Genuß bereitet, dann aber auch, um Ihnen mitzuteilen, daß der Aufsatz über die poetische Literatur Deutschlands seit Heine fertig und im Begriff sei, an seine Adresse befördert zu werden³. Ich knüpfte daran die Bitte, daß Sie von Спасское aus, wohin ich meinen Brief an Sie schickte, die Redaktion des «Современник» von der Entstehungsgeschichte des Aufsatzes in Kenntnis setzen möchten, damit ich ihr durch meine Sendung nicht aufdringlich erscheine.

Ich hatte anfänglich einen jüngeren Freund beauftragt, die Abhandlung zu schreiben, ihm die leitenden Ideen und das nötige Material gegeben, die Arbeit zog sich aber so in die Länge und Breite, daß ich fürchtete, er würde nie damit fertig, oder er würde, falls er es doch zu Stande bringen sollte, ein großes gelehrtes Werk statt eines Journalaufsatzes liefern. So nahm ich denn in den letzten Wochen des Monats Juli die Sache selbst in die Hand und war 6 Wochen damit beschäftigt, alles herzurichten, zu reduzieren und zusammenzuziehen, daß es den von Ihnen vorgeschriebenen Raum von 3 Druckbogen des «Современник» nicht überschritt. Zugleich suchte ich das Ganze nach Kräften pikant zu machen und darin genau den Bedürfnissen des russischen Publikums zu entsprechen. Also ausgerüstet, sandte ich das Manuskript nebst einem französischen Begleitbrief, worin auf Sie Bezug genommen wurde, an die Redaktion des «Современник» unter französischer und russischer Adresse. Natürlich wurde die Sendung rekommandiert. Darüber sind nun mehr als 3 Monate verflossen, und ich habe aus Petersburg noch keine Antwort erhalten, war auch einigermaßen beunruhigt, weshalb Sie mich sehr verpflichten würden, wenn Sie die Güte haben wollten, einmal bei der Redaktion anzufragen, wie die Sache steht, ob das Paket richtig angekommen ist oder nicht?

Auch von Heyse habe ich ein Paket an Sie expedieren lassen (unter der Adresse: Орловской губернии, город Мценск, село Спасское), enthaltend den neuen Band seiner zierlichen Novellen, welcher Ihnen gewidmet ist als «dem Meister der russischen Novelle»⁴. Er hat einen schlimmen Sommer gehabt, da seine Frau sehr leidend war, so daß er Sie nach Meran⁵ bringen mußte. Jetzt geht's wieder besser. Ich werde ihm Ihre Adresse geben, und er wird Ihnen selbst schreiben.

Über Ihre Werke behalte ich mir einen besonderen Brief vor, es würde auch heute zu weit führen, ausführlich darauf einzugehen, zumal ich sie in diesem Augenblick nicht bei der Hand habe: 2 Bände hat die Fürstin Olga⁶, die sie zum hundertsten Mal liest, und die beiden anderen Fürst Hohenlohe⁷ nebst seiner russischen Gemahlin (einer geborenen Wittgenstein), die ganz entzückt davon sind. Ich habe die Absicht, 2 Bände davon deutsch herauszugeben, sobald ich etwas mehr freie Zeit dazu finde, vielleicht in den Osterferien, und es würden Stücke darin enthalten sein wie «Das alte Edelnest» (oder wie Sie es sonst genannt haben wollen), «Faust», «Mumu», «Jakob Passinkoff» und

«Das Wirtshaus». Ich wollte erstgenannte Erzählung in einem Journale drucken lassen, stieß aber auf große Schwierigkeiten, da sich unsere besten Blätter jetzt entschieden dagegen sträuben, Übersetzungen in ihren Feuilletons aufzunehmen, sie wollen durchaus originell sein. Trotzdem ist es mir gelungen, zwei Ihrer kleinen Erzählungen in Feuilletons anzubringen, die ich aber nicht selbst übersetzt, sondern nur korrigiert habe. — Das begab sich so: Bald nach Ihrer Abreise erhielt ich — auf Ihre Veranlassung — die beiden Bände «Scènes de la vie russe»⁸ aus Paris zugeschickt. Ich war damals mit der Vollendung des 4. Bandes meines Werkes «Shakespeare's Zeitgenossen»⁹ beschäftigt, der mich auf Wochen hinaus völlig in Anspruch nahm. Inzwischen verschlang meine Frau Ihre Bücher und war so davon entzückt, daß sie «Mumu», «Passinkoff» und «Faust»¹⁰ in sehr gutes Deutsch übersetzte. Als später Ihre russischen Bücher eintrafen, nahm ich das Original zur Hand und verglich die Übersetzung damit, hie und da ein kleines Mißverständnis berichtend und kleine Änderungen vornehmend. Hernach schickte ich das Manuskript an einige Redaktionen in Wien und Berlin, die es mir jedoch zurücksandten, weil es erstens Übersetzungen enthielt und zweitens zu feine Arbeit für das an gröbere Kost gewohnte Feuilletonpublikum sei. Endlich erbot sich Dr. Creizenach, der Redakteur des «Neuen Frankfurter Museums» (des belletristischen Beiblattes zur «Zeit») «Mumu» zu drucken, wenn ich den Titel ändern und mich selbst als Übersetzer nennen wolle. Ich ließ mich dazu herbei, gab der Erzählung den Titel «„Edelfrau und Knecht“». Eine Erzählung aus Rußland, von Iwan Turgenjeff, deutsch von Bodenstedt — und alsobald erschien im «Neuen Frankfurter Museum» eine mit großen Lettern gedruckte Ankündigung der Novelle, welche sofort durch alle Blätter ging, auch in England, wie einliegender Ausschnitt zeigt. Endlich erschien auch die Novelle selbst und fand viel Beifall. Sie finden dieselbe gedruckt in den Nummern des «Neuen Frankfurter Museums», vom 24. November bis zum 5. Dezember¹¹. «Jakob Passinkoff» habe ich im Feuilleton der «Hamburger Nachrichten» untergebracht, wo er nächstens erscheinen wird¹². Sehr gespannt bin ich auf Ihren neuen Roman¹³.

Sie fragen mich nach meinen Arbeiten. Die Verpflichtung, ein größeres Werk über das englische Drama zu vollenden, hat mich wenig zu eigenen poetischen Erzeugnissen kommen lassen, doch habe ich ein paar größere erzählende Gedichte geschrieben «Nino» (gedruckt im «Morgenblatt») und «Der Edelfalk» (noch ungedruckt) welche beim Vorlesen sehr gefallen haben¹⁴. Außerdem ist von mir eine schon seit lange vorbereitete Übersetzung sämtlicher Sonette Shakespeare's erschienen, wodurch diese bisher fast gänzlich unbekanntes oder falschverstandenes poetischen Perlen zum erstenmal ans Licht treten¹⁵. Das Buch macht in Deutschland ein beispielloses Aufsehen, und was man in England dazu sagt, werden Sie im «Athenaeum» vom 7. Dezember finden¹⁶.

Binnen wenigen Tagen wurde die erste Auflage vergriffen. Ich werde mir das Vergnügen machen, Ihnen ein Exemplar zu schicken. Augenblicklich bin ich wieder stark mit meinem altenglischen Werk beschäftigt und schreibe nebenbei eine Novelle, welche in Moskau spielt. Außerdem nehmen mich meine Vorlesungen an der Universität stark in Anspruch¹⁷, so daß mir bis Ostern wenig Zeit übrigbleibt.

Die Fürstin Chilkoff bleibt den Winter noch in München, nachdem sie den Sommer am Tegernsee im Gebirge zugebracht, wo ich sie einmal einen Tag besucht habe. Ich werde Ihre Grüße pünktlich ausrichten, obgleich es nicht nötig ist, Sie in das Gedächtnis der Chilkoffs zurückzurufen (de vous rapeller au souvenir des Chilkoff), da die Fürstin Olga von nichts anderem spricht, denkt, träumt und liest als von Ihnen. Ich sehe sie jetzt selten, da sie eine neue Wohnung bezogen haben, die sehr entfernt von der

unsrigen ist und meine vielen Arbeiten mich fast immer ans Haus bannen. Doch jetzt werde ich schliessen.

In der Hoffnung, recht bald wieder von Ihnen zu hören, grüßt Sie mit aufrichtiger Verehrung und herzlicher Ergebenheit

Ihr F. B o d e n s t e d t

München, am Weihnachtsmorgen
1861

П е р е в о д:

Любезный и глубокоуважаемый Иван Сергеевич!

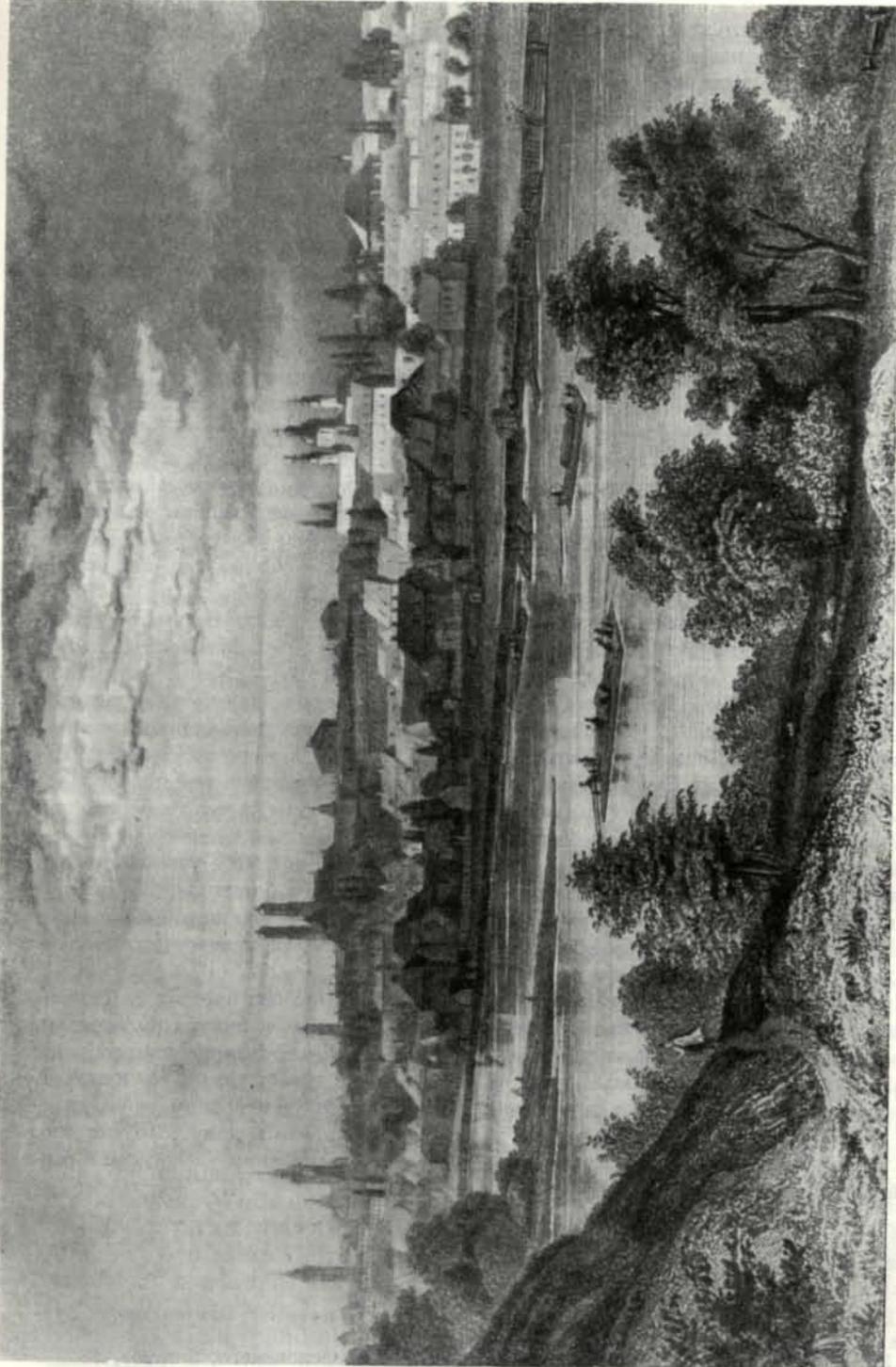
Желая поддержать честь немцев (как известно, отличающихся большой точностью и добросовестностью), отвечаю немедленно на ваше письмо от 22-го текущего месяца, так чтобы ответ ушел в тот самый час, когда оно было доставлено¹. Я был очень рад получить после долгого и тщетного ожидания весточку от вас. Вы должны помнить, что еще в сентябре я подробно писал вам, прежде всего чтобы поблагодарить за присланные вами книги², которые доставили мне очень большое удовольствие и сулят в дальнейшем еще большее наслаждение, а также сообщить вам, что статья о немецкой поэзии после Гейне закончена и подготовлена к отправке по назначению³. Я присоединил к этому просьбу, чтобы вы из Спасского, куда я направил вам свое письмо, познакомили редакцию «Современника» с историей возникновения статьи, дабы я своей присылкой не показался им навязчивым.

Сначала я поручил одному из своих молодых друзей написать обзор, наметив ему основные мысли и снабдив его необходимыми материалами. Однако работа его настолько затянулась и разрослась, что я начал опасаться, что он либо никогда ее не закончит, либо, если и завершит, то вместо журнальной статьи у него получится большой ученый труд. И вот, в последние недели июля я сам засел за работу и в течение шести недель приводил все в порядок, сокращал и объединял, чтобы не выйти за пределы трех указанных вами печатных листов «Современника». Вместе с тем я старался в меру своих сил сделать статью в целом интересной и отвечающей потребностям русской публики. В таком обработанном виде я послал рукопись в редакцию «Современника», разумеется, заказным пакетом, с адресом, написанным по-французски и по-русски, приложив сопроводительное письмо на французском языке, где ссылался на вас. С тех пор прошло свыше трех месяцев, а ответа из Петербурга все еще нет, чем я несколько обеспокоен. Поэтому вы меня очень обяжете, если будете так любезны и запросите при случае редакцию, как обстоит дело, дошел ли пакет по назначению, или нет.

Я распорядился также направить вам пакет от Гейзе (по адресу: Орловской губ. г. Мценск, село Спасское) со вложением нового тома его прелестных рассказов, который посвящен вам, как «Мастеру русской новеллы»⁴. Лето он провел плохо, у него была серьезно больна жена, так что ему пришлось взять ее в Меран⁵. Теперь всё у них стало лучше. Я дам ему ваш адрес, и он вам сам напишет.

Разговор о ваших сочинениях я оставляю до особого письма. обстоятельное обсуждение их завело бы меня сейчас слишком далеко, тем более что в настоящую минуту у меня их нет под руками: два тома у княжны Ольги⁶, перечитывающей их уже в сотый раз, а два других у князя Голенлоэ⁷ и его русской сужруги (урожденной Витгенштейн), которые от них просто в восторге. Я намерен составить из них два тома и издать по-немецки, как только выберу для этого немного свободного времени, может быть, во время пасхальных каникул. В них войдут такие вещи, как «Das alte Edelnest»* (или, как вы захотите его назвать), «Фауст», «Муму», «Яков Пасынков» и «Постоялый двор». Я хотел напечатать первую из названных повестей в какой-нибудь газете, но встретил большие затруднения, так как лучшие наши газеты решительно возражают против помещения переводных произведений в качестве фельетонов и желают непременно печатать лишь оригинальные сочинения. Несмотря на это, мне удалось поместить

* «Старое дворянское гнездо» (нем.).

МЮНХЕН. ОБЩИЙ ВИД

Гравюра И. Кольба с рисунка И. Гавличска
Из книги «Erinnerungen an München». München, 1854

в виде фельетона два ваших маленьких рассказа, но я не сам переводил их, а только исправил перевод. Вот как все это произошло: вскоре после вашего отъезда я получил присланные из Парижа по вашему распоряжению оба тома «Scènes de la vie russe»⁸. Я был тогда занят завершением четвертого тома своего труда «Современники Шекспира»⁹, и это на несколько недель полностью заняло мое время. Между тем моя жена проглотила ваши книги и пришла от них в такой восторг, что перевела очень хорошим немецким языком «Муму», «Пасынкова» и «Фауста»¹⁰. Когда позднее пришли ваши русские книги, я взял подлинник, сравнил с ним перевод, выправил кое-где мелкие неточности и внес несколько незначительных изменений. Затем я послал рукопись нескольким редакциям — в Вену и Берлин. Но они вернули мне ее по той причине, что это, во-первых, переводы, а во-вторых, слишком тонкая работа для читателей фельетонов, привыкших к более грубой пище. В конце концов доктор Крейценах, редактор «Neuen Frankfurter Museums» (литературного приложения к журналу «Zeit») все же согласился напечатать «Муму», но при условии, что я изменю заглавие и поставлю свое имя как переводчика. Я пошел на это, дал рассказу заглавие «Барыня и холоп», рассказ из русской жизни Ивана Тургенева, немецкий перевод Боденштедта. И вскоре в «Neuen Frankfurter Museum» появилось напечатанное крупным шрифтом объявление о предстоящем выходе в свет рассказа. Объявление было тотчас же перепечатано всеми газетами, в том числе и английскими, как вы увидите из прилагаемой вырезки. Наконец появился и самый рассказ, принятый с большим одобрением. Вы найдете его в номерах «Neuen Frankfurter Museums» с 24 ноября по 5 декабря¹¹. «Якова Пасынкова» я передал для фельетона в «Hamburger Nachrichten», где он вскоре появится¹². С большим нетерпением жду вашего нового романа¹³.

Вы спрашиваете меня о моих работах. Обязательство закончить большой труд об английской драме мало способствовало собственным моим поэтическим занятиям. Все же я написал два довольно больших эпических стихотворения — «Nino» (напечатано в «Morgenblatt») и «Der Edelfalk» («Перелетный сокол») (еще не напечатано), которые в чтении очень понравились¹⁴. Кроме того, появился давно подготавливавшийся мною перевод всех советов Шекспира, благодаря чему эти, до сих пор почти совсем не известные или неправильно понятые поэтические жемчужины стали теперь впервые доступны¹⁵. Книга пользуется в Германии неслыханным успехом, а что говорят о ней в Англии, вы узнаете из «Атенеума» от 7 декабря¹⁶.

Первое издание расхватили в несколько дней. Я доставлю себе удовольствие и пришлю вам экземпляр. В настоящее время я опять много работаю над своим трудом о старой английской литературе и пишу еще новеллу, действие которой происходит в Москве. Кроме того, много времени отнимают у меня мои университетские лекции¹⁷, так что до Пасхи у меня будет мало досуга.

Княжна Хилкова остается на зиму еще в Мюнхене. Лето она провела на Тегернском озере в горах, где я ее однажды навещал. Ваши приветствия я аккуратно передам, хотя вы не нуждаетесь у Хилковых в напоминании о себе (de vous rappeler au souvenir des Chilkoff), так как княжна Ольга только о вас говорит и думает, только вас и читает. Я теперь редко с ними вижусь, так как они переехали на новую квартиру, очень далеко от нас, а я своими многочисленными занятиями прикован к дому. Но кончаю.

В надежде вскоре снова услышать о вас остаюсь с искренним уважением и сердечной преданностью

ваш Ф. Боденштедт

Мюнхен, рождественское утро
1861 г.

¹ Письмо от 10/22 декабря 1861 г. из Парижа — первое из известных нам писем Тургенева к Боденштедту.

² Речь идет о «Сочинениях Тургенева», изд. Н. А. Основского, 5 томов, 1860—1861 (см. подробнее об этом в прим. 14 к статье Х. Раппиха).

³ Написанная по заказу Тургенева для «Современника» статья Боденштедта «О поэзии в Германии после Гейне» не была опубликована. Рукопись ее, по требованию Тургенева, была возвращена редакцией журнала Боденштедту в январе 1863 г. (см. письмо Тургенева к Боденштедту от 17/29 января 1863 г.).

⁴ Пауль Гейзе (1830—1914) — известный немецкий новеллист. Тургенев познакомился с ним в Мюнхене в мае 1861 г. В 1862 г. Гейзе выпустил четвертый сборник своих новелл с посвящением: «Ивану Тургеневу, русскому мастеру повелли, с дружеским приветом посвящает эти страницы автор». В письме к Гейзе от 12/24 февраля 1862 г. Тургенев благодарил за посвящение и характеризовал его новеллы: «Эти маленькие рассказы преисполнены поэзии, изящества, тонкости и правды».

⁵ Меран (Мерано) — тирольский городок, расположенный в высокогорной долине р. Адидже, известный курорт.

⁶ Княжна Ольга Дмитриевна Хилкова — знакомая Тургенева. Ее имя не раз упоминается в переписке Тургенева с Боденштедтом (см. о ней ЛА т. III, стр. 214).

⁷ Хлодвиг князь Гогенлоэ-Шиллинсфюрст (1819—1901) — немецкий государственный деятель. Его дневниковые записи о встречах с Тургеневым в 1876 и 1879 гг. напечатаны в русском переводе во «Всемирном вестнике», 1906, № 11, стр. 103—106.

⁸ В 1858 г. на французском языке были изданы два тома повестей Тургенева под названием «Scènes de la vie russe» («Сцены из русской жизни»). Первый том, включавший повести: «Два приятеля», «Яков Пасынков», «Муму», «Фауст», «Бретёр», «Три встречи», вышел в переводе К. Мармье. Во второй том вошли повести «Постоялый двор», «Переписка», «Поездка в Полесье», переведенные Луи Виардо при участии Тургенева.

⁹ Три тома труда Боденштедта «Shakespeares Zeitgenossen und ihre Werke» («Современники Шекспира и их произведения») вышли в свет в 1858—1860 гг. Четвертый том, о котором здесь идет речь, не был закончен.

¹⁰ Боденштедт по ошибке назвал «Фауста» в числе повестей, переведенных его женой; эта повесть была переведена им самим весной 1862 г. (см. об этом в статье Х. Рапиха «Тургенев и Боденштедт» — наст. том, стр. 335—336).

¹¹ См. прим. 20 к статье Х. Рапиха.

¹² См. прим. 21 к статье Х. Рапиха.

¹³ Имеется в виду роман «Отцы и дети», напечатанный в «Русском вестнике» (1862, № 2) и в том же году вышедший отдельным изданием.

¹⁴ В 1862 г. вышли из печати отдельной книгой «Эпические стихотворения» Боденштедта («Erische Dichtungen». Berlin, 1862).

¹⁵ «Сонеты Шекспира» в переводе Боденштедта были изданы в 1861 г. Тургенев, оценивая эти переводы, писал Боденштедту 12/24 февраля 1862 г.: «Впечатление того, что это перевод, совершенно исчезает: ваши стихи льются с изумительною легкостью, и только прочитав их, начинаешь думать с удивлением о трудностях, которые вы осилили».

¹⁶ «Атенеум» — английский литературно-критический и библиографический журнал, основанный в 1828 г.

¹⁷ Боденштедт был профессором Мюнхенского университета, где он с 1854 г. вел курс славянских языков и литературы, а с 1858 г. — преимущественно старой английской литературы.

2

⟨Мюнхен. 16/28 мая 1862 г.⟩

München, Karlstraße 38.
28. Mai 1862

Lieber Herr Turgenjew!

Sie versprochen, im Laufe dieses Monats nach München zu kommen¹, aber der Monat Mai geht schon zu Ende, und unsere Hoffnung, Sie hier zu sehen, scheint sich nicht erfüllen zu sollen. Ich melde Ihnen deshalb schriftlich, daß meine Übersetzung Ihres «Fausts» in der ersten soeben ausgegebenen Nummer von Wolfsohn's «Russischer Revue»² erschienen ist. Bitte lesen Sie die Übersetzung und schreiben Sie mir ein Wort, ob es Ihnen gefällt oder nicht³. Noch eine kleine Frage, durch deren Beantwortung Sie mich sehr verpflichten würden: Ist positive Aussicht vorhanden, daß ich das Honorar für den in Ihrem Auftrag geschriebenen Aufsatz erhalte oder nicht?⁴ Ich habe das Geld nämlich zu einer kleinen, aber sehr nötigen Badereise bestimmt, die ich unterlassen muß, wenn es ausbleibt. In jedem Fall möchte ich deshalb gern Gewißheit haben, um mich danach einrichten zu können.

Mit bekannter Verehrung und freundschaftlicher Ergebenheit

Ihr F. B o d e n s t e d t

Перевод:

Мюнхен, Карлштрассе 38
28 мая 1862

Любезный господин Тургенев!

Вы обещали в этом месяце приехать в Мюнхен¹, но май уже подходит к концу и наши надежды увидеть вас здесь, по-видимому, не сбудутся. Поэтому сообщаю вам письменно, что мой перевод вашего «Фауста» появился в только что вышедшем номере вольфзоновского журнала «Russische Revue»². Пожалуйста, прочтите перевод и черкните словечко, нравится он вам или нет³. И еще небольшой вопрос, ответив на который, вы меня очень обяжете. Могу ли я рассчитывать на получение гонорара за статью, написанную мною по вашему поручению?⁴ Я думал использовать эти деньги для короткой, но очень нужной поездки на воды, от которой должен буду отказаться, если ничего не выйдет. Во всяком случае я бы хотел знать с полной ясностью, чтобы в зависимости от этого устроить свои дела.

С неизменным почтением и дружеским расположением

ваш Ф. Боденштедт

¹ 12/24 февраля 1862 г. из Парижа Тургенев писал Боденштедту о том, что проездом в Россию посетит Мюнхен. Но, торопясь на родину, Тургенев в Мюнхене не остановился.

² «Russische Revue» (Leipzig), 1862/1863, I. Band, 1. Heft, S. 59—96.—Журнал издавался В. Вольфзоном.

³ Переводом «Фауста» Тургенев остался доволен (см. его письмо к Боденштедту от 19/31 октября 1862 г.).

⁴ См. прим. 3 к письму 1.

3

⟨Мюнхен. 22 октября/3 ноября 1862 г.⟩

München, Karlstraße 38.
3. November 1862

Es hat mich sehr gefreut, mein lieber und wertester Herr Turgenjew, wieder ein Lebenszeichen von Ihnen zu erhalten, und zu erfahren, daß Ihnen meine Übersetzung Ihrer vortrefflichen Novelle «Faust» so gut gefallen hat¹. Da gerade diese Übersetzung eines an psychologischen Feinheiten und eigentümlichen Wandlungen reichen Meisterwerkchens der Erzählungskunst in verhältnismäßig kurzer Zeit beendet werden mußte, um gleich in den ersten Heften der Wolfsohn'schen «Revue» abgedruckt werden zu können, so hätte ich kaum erwartet, daß Sie so zufrieden damit (sein) würden. Doch der so lebhaft ausgeführte Ausdruck Ihres Beifalls gibt mir den Mut, Ihren Vorschlag, eine größere Sammlung Ihrer Erzählungen in deutsches Gewand zu kleiden, sofort anzunehmen², und ich darf Ihnen mit gutem Gewissen versprechen, daß Sie mit meinen folgenden Übersetzungen noch zufriedener sein werden als mit der ersten, denn je länger ich Zeit habe zu einer Arbeit, desto besser wird sie, da ich gewohnt bin, bis in die kleinsten Einzelheiten hinein zu ändern und zu feilen, solange mir Ton und Farbe des Originals noch nicht überall erreicht scheinen.

Die Kunst der Prosa liegt bei uns leider sehr im Argen, denn man versteht darunter meist einen konventionellen, gespreizten Stil; ohne alle subjektive Färbung oder eine sich in eitler Selbstgefälligkeit wiegende Manier à la Varnhagen³, der mir der widerwärtigste weil unnatürlichste aller Prosakünstler ist. Ich kenne kaum ein halb Dutzend Schriftsteller in meinem gelehrten Vaterland, die ein gutes Deutsch schreiben können, d. h. — welche durch die Kunst zur Natur zurückgekehrt sind, und ich bin vor einiger Zeit so frei gewesen, dies meinen wackeren Landsleuten offen heraus ins Gesicht zu sagen, wie Sie aus einem Journal ersehen werden, welches ich zugleich mit diesem Brief schicke (wobei ich Sie bitte, es mir gelegentlich zurückzusenden).

Wenn Sie nun das Vertrauen zu mir haben, daß ich Ihre vortrefflichen Erzählungen in würdigerer Weise dem deutschen Publikum vermitteln werde, als bisher geschehen ist (wobei ich übrigens gestehen muß, daß auch die französischen Übersetzungen weit hinter dem Original zurückgeblieben sind), so schlagen Sie mir gütigst selbst eine Auswahl Ihrer Novellen vor,

12

СТИХОТВОРЕНИЯ
Пушкина, Фета и Тургенева
положенных на музыку
ПОЛНОЮ ВИАРДО ГАРСИ.

№1 Псаломъ Пушкина	№7 Сонетъ Тургенева	№8 Девъ рыба Фета
2 На валахъ Грузинъ	9 Ночь Пушкина	
3 Тихая зовалась ночь Фета	10 Ужинъ	
4 Памятные образы	11 Письмо Боникъ	
5 Шесть, робкое дилемма	12 Золотыя Фета	
6 Заключеніе Пушкина		

13

GEDICHTE
von
Puschkin, Feth und Turgenew,
übersetzt von F. BODENSTEDT
und in Musik gesetzt von
PAULINE VIARROT GARCIA.

№1 Das Blumenlein v. Puschkin	№7 Die Meise v. Turgenew	№8 Zwei Rosen v. Feth
2 Auf Grecians Hügel	9 Rechts v. Puschkin	
3 Ruhige heilige Nacht v. Feth	10 Der Geliebten	
4 Mitternächliche Bilder	11 Das Fluglein	
5 Plästern, athemhafter Lenzzeit	12 Die Sterne v. Feth	
6 Die Beschreibung v. Puschkin		

С. ПЕТЕРБУРГЪ, у А. ЮГАНСОНА.
Москва, у А. Гутенберга.

АЛЬБОМ РОМАНСОВ ПОЛИНЫ ВИАРДО НА СЛОВА ПУШКИНА, ФЕТА И ТУРГЕНЕВА. СПБ., <1864>

Текст на русском и немецком языках (перевод Ф. Боденштедта)

wonach wir dann mit dem ersten Bande gleich beginnen könnten⁴. Ich werde Ihnen vor dem Druck immer das Manuskript zur Durchsicht schicken, damit Sie noch beliebige Änderungen treffen oder vorschlagen können, um das Ganze makellos in die Öffentlichkeit zu bringen.

Entschuldigen Sie, wenn ich heute nicht ausführlicher schreibe: ich habe ein so starkes Schnupfenfieber, daß ich kaum die Feder führen kann und mir die Buchstaben nur so vor den Augen tanzen.

Ihre Grüße an Heyse werde ich ausrichten, der Arme hat vor einigen Monaten seine Frau verloren.

Es grüßt Sie mit bekannter Verehrung

Ihr treuergebener F. B o d e n s t e d t

П е р е в о д:

Мюнхен, Карлштрассе 38
3 ноября 1862

Я был очень обрадован, любезный и глубоко чтимый г. Тургенев, вновь получив от вас весточку и узнав, что вам так понравился мой перевод вашего превосходного рассказа «Фауст»¹. Ведь перевод этого богатого тонкими психологическими наблюдениями маленького шедевра повествовательного искусства с оригинальным развитием сюжета пришлось выполнить в предельно короткий срок для того, чтобы его можно было напечатать в первых выпусках вольфзоновского журнала. Поэтому мне трудно было ожидать, что вы останетесь им так довольны. Столь горячее ваше одобрение вселяет в меня мужество, и я готов тотчас же принять ваше предложение облек в немецкое одеяние более обширное собрание ваших рассказов². Я могу с чистой совестью обещать вам, что последующими моими переводами вы останетесь еще более довольны, чем первым, ибо, чем большим временем для работы я располагаю, тем лучше она выходит, так как я имею обыкновение до тех пор исправлять и шлифовать всё до мельчайших подробностей, пока не почувствую, что тон и колорит оригинала повсюду верно переданы.

Искусство прозы у нас, к сожалению, находится в очень дурном состоянии, ибо под ним большей частью понимают условный, напыщенный стиль, лишенный всякой индивидуальной окраски, либо пустое самодовольное манерничание, à la Фарнгаген³, которого я считаю самым неестественным, а потому и самым неприемлемым из всех прозаиков. В моем ученом отечестве я едва ли могу назвать с полдюжины писателей, умеющих писать хорошим немецким языком, то есть тех, кого искусство вернуло к реальности, и я недавно взял на себя смелость сказать это прямо в лицо моим милым соотечественникам, в чем вы можете убедиться из журнала, который посылаю одновременно с настоящим письмом и прошу при случае переслать мне обратно.

Итак, если вы верите, что я лучше, чем это делалось до сих пор, сумею ознакомиться с вашими превосходными рассказами немецкую публику (нужно при этом признать, что и французские переводы во многом уступают оригиналам), то окажите мне любезность и произведите сами отбор рассказов, чтобы можно было уже сразу взяться за первый том⁴. Я буду всякий раз перед сдачей в печать посылать вам рукопись для просмотра, так что вы сможете внести или предложить исправления, чтобы выпустить все в свет в безукоризненном виде.

Простите, что не пишу вам сегодня подробнее, у меня такой сильный грипп, что я едва вожу пером, и буквы прыгают у меня перед глазами.

Ваш привет Гейзе я передам, бедняга несколько месяцев назад потерял жену. Остаюсь с неизменной преданностью и уважением

ваш Ф. Боденштедт

¹ См. прим. 3 к письму 2.² Считая Боденштедта «превосходным и широко известным переводчиком», Тургенев предложил ему перевести на немецкий язык некоторые из своих сочинений (см. письмо Тургенева к нему от 19/31 октября 1862 г.).³ Карл Август Фарнгаген фон Энзе (1785—1858) — немецкий писатель и критик, пропагандист русской литературы в Германии. Тургенев был знаком с ним в молодости в годы учения в Германии.⁴ Исполняя просьбу Боденштедта, Тургенев в письме от 25 октября/6 ноября 1862 г. указал произведения, «наиболее подходящие для немецкой публики»: «Дворянское гнездо», «Рудин», «Постоялый двор», «Дневник лишнего человека», «Первая любовь», «Ася», «Три встречи», «Затишье» и «Отцы и дети».

München, 14. Dezember 62

Hochverehrter Herr und Freund,

Ihrem lieben Briefe vom 10. d. M., den ich gestern früh erhielt¹, ist die Sendung des Banquiers Meyer in Baden, bestehend in einer preußischen

Banknote von 500 <Thalern> noch am späten Abend nachgefolgt. Ich beeile mich, Sie hievon in Kenntniss zu setzen und Ihnen meinen herzlichen Dank dafür zu sagen. Leider bin ich während der ganzen Zeit, daß wir nichts voneinander gehört, so krank gewesen, daß an eigentliche Arbeiten gar nicht zu denken war und ich fast an meinem Aufkommen verzweifelte. Erst seit 3 Tagen geht es etwas besser, doch muß ich noch immer sehr vorsichtig sein und mich vor jedem Luftzuge hüten. Sobald ich wieder bei Kräften bin, werde ich das in den letzten Monaten Versäumte mit gedoppeltem Eifer nachholen. Die «Поездка в Полесье» habe ich nicht übersehen, sie gehört mit zu dem Feinsten, was Sie geschrieben haben, und wird, mit besonderer Sorgfalt übersetzt, eine Hauptzierde des ersten Bandes Ihrer Novellen bilden².

Geldverlegenheit trieb mich im vorigen Sommer, einige Erzählungen, welche ich im Laufe der letzten 6 Jahre für Journale geschrieben hatte, zusammenzustellen und an einen hiesigen Buchhändler zu verkaufen. Der erste Band erscheint noch vor Weihnachten und wird Ihnen dann sofort zugehen, den zweiten Band will der Verleger, der erst ein Jahr damit warten wollte, schon im März nachfolgen lassen, da auf den ersten Band, schon bevor er erschienen, mehr Bestellungen eingelaufen sind, als zu erwarten stand, da ich als Novellist wenig bekannt war³.

Diese erfreuliche Teilnahme läßt mich hoffen, daß ich für Ihre herrlichen Erzählungen ein um so größeres Publikum gewinnen werde, als sie in der Tat an poetischem Werte weit über den meinigen stehen. Von meinen epischen Gedichten wird Ihnen, wenn ich Ihren Geschmack richtig beurteile, wahrscheinlich «Der Edelfalk» am besten gefallen.

Ich kann diesen Brief nicht schließen, ohne Ihnen, da Sie so viel Sinn für Humor haben, eine kleine Geschichte zu erzählen, welche augenblicklich hier in der Presse wie in der Unterhaltung alle anderen Interessen absorbiert und mich sehr gegen meinen Wunsch und Willen zum Gegenstande des Stadtgespräches gemacht hat.

Die Geschichte erinnert an die blühendsten Auswüchse des russischen Tchinovniktumes und könnte Stoff zu einer Novelle geben, die an Katharinas II. Hof spielt. Da der König⁴ das Bedürfnis hat, mit Poeten und Gelehrten zu verkehren, Leute bürgerlicher Abkunft aber nur dann zu Hofdinern, Bällen u. s. w. eingeladen werden können, wenn sie Generalrang haben, so hat der König — nach Analogie des preußischen Ordre pour le mérite — den Maximiliansorden gestiftet, welcher Generalsrang verleiht. Geibel⁵ war damals der einzige Poet in München und wurde darum in das Capitel eingesetzt, welches, bestehend aus den berühmtesten Gelehrten und Künstlern, den Orden verleiht. Als ich nach München kam, schlugen mich Liebig⁶ und Kaulbach⁷, als Älteste des Capitels, für den Orden vor, Geibel aber, der als Poet über seine Collegen die entscheidende Stimme hat, protestierte dagegen, und ich wurde zurückgestellt, was mir natürlich sehr gleichgültig war. Dieses Jahr aber, nachdem besonders die Shakespeare-Sonette hier eine allgemeine Begeisterung hervorgerufen, wurde ich einstimmig vom ganzen Capitel feierlich gewählt, und da Geibel, anfangs heftig protestierend, nichts Vernünftiges gegen mich einwenden konnte, so mußte auch er zuletzt seine Stimme geben. Nichts fehlte als die Bestätigung des Königs, welche auch in keinem Falle versagt wurde, weshalb Liebig als Präsident nun die erfolgte Wahl anzeigte. Darauf schrieb der große Geibel einen langen Brief an den König, um mich bei diesem (der ihn für einen Heiligen hält) zu verleumden und ihn zu bewegen, die Bestätigung zu versagen. Da ich krank im Bette lag, konnte ich nichts dagegen tun, und Geibel triumphierte. Die Sache kam aber durch einen Schreiber auf, und die ganze Stadt gab mir durch Deputationen, Adressen u. s. w. ihre Verehrung, Geibeln aber ihre Verachtung zu erkennen. Darauf schrieb mir dieser

einen pharisäischen Brief, um wieder einzulenken und machte mir einen Besuch, den ich aber nicht annahm. Jetzt tobt er wie verrückt umher und wird von den Straßenjungen ausgelacht. Erinnerst diese Geschichte nicht an die Zeiten der Тредьяковские?

Ich lege als Ergänzung des obigen einen Ausschnitt aus dem «Münchner Punsch» bei⁸. Doch das Papier ist zu Ende!

Es grüßt Sie mit bekannter hoher Verehrung und Freundschaft.

Ihr treuergebener F. B o d e n s t e d t

Перевод:

Мюнхен, 14 декабря 62

Милостивый государь и глубокоуважаемый друг!

За вашим любезным письмом от 10 текущего месяца, которое я получил вчера полуночью¹, еще в тот же день поздно вечером последовал пакет баденского банкира Мейера со вложением прусского банковского билета в 500 <талеров>. Спешу уведомить вас об этом и выразить вам свою сердечную благодарность. К сожалению, все время, пока мы с вами ничего друг о друге не слышали, я так тяжело болел, что в сущности о настоящей работе нечего было и думать, и я почти уже перестал верить в свое выздоровление. Только три дня назад наступило некоторое улучшение, но я все еще должен соблюдать большую осторожность и беречься малейшего сквозняка. Как только соберусь с силами, с удвоенной энергией постараюсь наверстать упущенное за последние месяцы. «Поездку в Полесье» я не проглядел, она принадлежит к самым лучшим вещам, вами написанным, она будет переведена с особой тщательностью и составит главное украшение первого тома ваших рассказов².

Стесненные денежные обстоятельства заставили меня прошлым летом собрать несколько рассказов, написанных мною за последние шесть лет для журналов, и продать одному из здешних книготорговцев. Первый том выйдет еще до Рождества и будет тотчас же вам послан. Второй, с которым издатель думал подождать год, последует уже в марте, так как на первый том еще до его появления поступило больше заказов, нежели можно было ожидать, ибо в качестве новеллиста я мало известен³.

Такой благоприятный прием позволяет мне надеяться, что для ваших великолепных рассказов я завоюю еще гораздо больше публики, поскольку они художественными своими достоинствами действительно во многом превосходят мои. Из моих этических стихотворений, если я правильно сужу о вашем вкусе, вам, вероятно, больше всего понравится «Перелетный сокол».

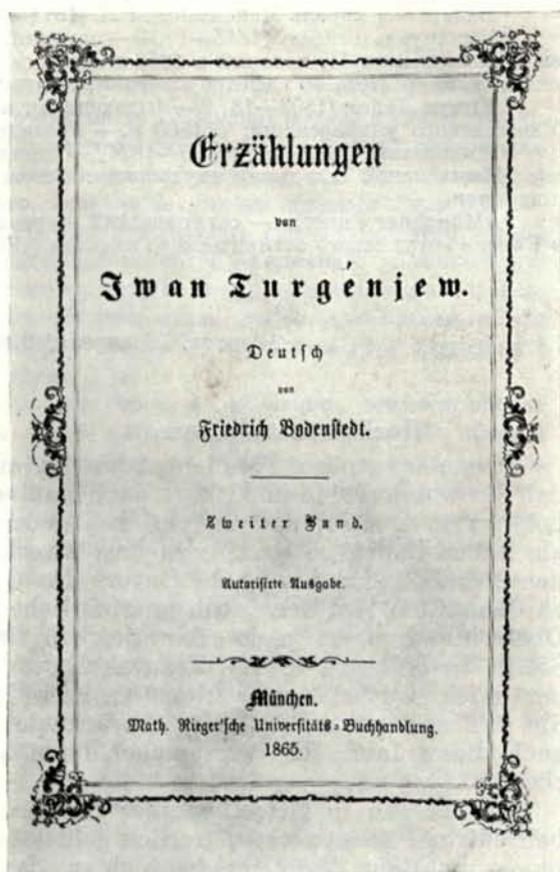
Не могу закончить письма, не рассказав вам, зная вашу склонность к юмору, одну историйку, которой всецело поглощена сейчас здешняя печать и которая служит единственной темой разговоров, вследствие чего я против своей воли и желания стал предметом городских толков.

История эта приводит на память самые махровые подлости русского чиновничества, она могла бы дать материал для новеллы, действие которой происходит при дворе Екатерины II. Поскольку у короля⁴ есть потребность общаться с поэтами и учеными, а на придворные обеды, балы и т. д. из лиц бюргерского происхождения могут приглашаться только имеющие генеральский чин, король учредил по образцу прусского ордена «*pour le mérite*» * орден Максимилиана, предоставляющий генеральский чин. Гейбель⁵, тогда единственный поэт в Мюнхене, был вследствие этого введен в капитул, который, имея в своем составе самых знаменитых ученых и художников, присуждает орден. Когда я приехал в Мюнхен, Либих⁶ и Каульбах⁷, в качестве старейших членов капитула, представили меня к ордену; но Гейбель, которому как поэту принадлежит решающий голос в отношении его коллег, запротестовал, и меня отвели, что, конечно, было для меня совершенно безразлично. Но в этом году, в особенности же после того как шекспировские сонеты вызвали здесь всеобщее восхищение, я был торжественно избран всем капитулом единогласно. А так как

* «за заслуги» (франц.).

ПОВЕСТИ ТУРГЕНЕВА* В НЕМЕЦКОМ ПЕРЕВОДЕ ФРИДРИХА БОДЕНШТЕДТА, Т. II. МЮНХЕН, 1865

Обложка

Гейбель, вначале резко протестовавший, не мог выдвинуть против меня ничего разумительного, то и он под конец вынужден был отдать свой голос за меня. Требовалось только утверждение короля, в чем ни разу еще не было отказа, и поэтому Либих в качестве президента тотчас доложил о результатах выборов. Тогда великий Гейбель пишет длинное письмо королю (у которого он слышет за святого), чтобы оклеветать меня и побудить его отказать в утверждении. Так как я тогда лежал больной, я не мог ничего предпринять против этого, и Гейбель восторжествовал. Но через кого-то из писцов дело получило огласку, и весь город депутациями, адресами и пр. выразил мне свое уважение, а Гейбелю — презрение. Он написал мне после этого фарисейское письмо, чтобы не углублять ссору, и нанес мне визит, но я его не принял. Теперь он бушует, как сумасшедший, и даже уличные мальчишки смеются над ним. Разве это не напоминает времена Тредьяковских?

В добавление к сказанному прилагаю вырезку из «Münchner Punsch»⁸. Однако бумага кончилась!

С глубоким уважением и дружбой приветствует вас

искренне преданный вам Ф. Боденштедт

¹ Письмо Тургенева от 28 ноября/10 декабря 1862 г.

² О переводе рассказа «Поездка в Полесье» Тургенев упоминал Боденштедту в письме от 4/16 ноября 1862 г.

³ Первый том рассказов Боденштедта («Erzählungen von Fr. Bodenstedt») вышел в Берлине в 1862 г.; второй — в 1863 г. Прекрасный переводчик, Боденштедт в области самостоятельного творчества не проявил яркой оригинальности; его собственные произведения не оказали сколько-нибудь значительного влияния на немецкую литературу.

⁴ Баварский король Максимилиан II (1811—1864).

⁵ Эммануэль *Гейбель* (1815—1884)—немецкий поэт. Он пользовался расположением Максимилиана II, который в 1852 г. предоставил ему звание профессора Мюнхенского университета по кафедре эстетики, а затем пожаловал дворянство.

⁶ Юстус *Либих* (1803—1873)—выдающийся немецкий химик; с 1852 г.—профессор Мюнхенского университета; с 1860 г.—президент Баварской академии наук.

⁷ Вильгельм *Каульбах* (1805—1874)—немецкий художник. С 1849 г.—директор Мюнхенской академии художеств. Глава мюнхенской школы исторической живописи.

⁸ «Münchner Punsch» — сатирический журнал, названный по образцу знаменитого в Европе английского сатирического издания («Punch»).

5

⟨Мюнхен. 28 апреля/10 мая 1863 г.⟩

München. 10. Mai 63

Hochverehrter Herr,

Zu meiner großen Freude erfahre ich aus Ihrem Briefe vom 7. d. M., daß Sie wohl auf sind und, statt nach Rußland zurückzukehren, den Sommer bei uns in Deutschland zu verleben gedenken¹. Einen anmutigeren Ort als Baden-Baden hätten Sie zu dem Zwecke kaum wählen können², es sei denn, daß Sie zu uns nach Bayern ins Gebirg' gekommen wären, wo es an den stillen Waldseen noch jungfräuliche Naturreize gibt, die im übrigen Deutschland nicht mehr ihresgleichen finden. Jedenfalls bin ich froh, Sie in der Nähe zu wissen, denn nach dem, was mir Herr Геннадии³ sagte, der mich vor ein paar Monaten hier besuchte, fürchtete ich fast, daß Sie jählings nach Petersburg zurückkehren mußten⁴. Aber werden Sie auch dieses Jahr Ihr Versprechen nicht halten, uns in München zu besuchen?⁵

Ihre Fragen in Betreff meiner Gesundheit kann ich leider nicht ganz befriedigend beantworten, freilich geht's besser als im Winter, aber noch immer nicht gut. Mein Übel hat sich aus dem Unterleib in den Kopf gezogen, und besonders machen mir meine Augen viel zu schaffen, so daß ich zuweilen wochenlang nur mit den peinlichsten Anstrengungen lesen und schreiben kann. Das hat mich indessen nicht verhindert, mich fleißig mit Ihnen zu beschäftigen, und der erste Band meiner Übersetzung Ihrer Schriften, welcher die kleineren Erzählungen (darunter auch «Das Wirtshaus an der Heerstraße») enthalten soll, wird hoffentlich noch in diesem Monate druckfertig werden⁶. Als eine kleine Probe daraus habe ich den «Ausflug in die Waldregion» in einem hiesigen Blatte drucken lassen und lege diesem Briefe die Korrekturbogen bei, mit der Bitte, mir diejenigen Stellen zu bemerken, welche ich etwa nicht ganz glücklich wiedergegeben haben sollte. Leider kann ich augenblicklich den Schluß der Geschichte nicht finden, der übrigens keine dunklen Stellen bot. Die Schwierigkeiten lagen hauptsächlich in den Jagd-ausdrücken und Provinzialismen, doch hoffe ich den Ton im ganzen getroffen zu haben. Die übrigen Erzählungen sind viel leichter und bieten mir keine besonderen Schwierigkeiten.

Wenn ich es irgend möglich machen kann, besuche ich Sie im Laufe des Sommers auf ein paar Tage in Baden, das ich nur einmal im Leben, und zwar nur auf der Durchreise, gesehen habe.

Ihre Grüße an Frau v. Nelidof⁷ werde ich ausrichten, sobald mein entsetzlicher Kopfschmerz mir erlaubt, sie zu besuchen. Ich habe sie seit ihrer Niederkunft nicht gesehen.

Heyse geht in den nächsten Wochen auf einige Zeit nach seiner Vaterstadt Berlin. Er läßt Ihren Gruß freundlichst erwidern.

In alter Verehrung und Treue empfiehlt sich Ihnen

Ihr aufrichtig ergebener F. B o d e n s t e d t

Перевод:

Мюнхен. 10 мая 63

Глубокоуважаемый господин Тургенев,

К великой своей радости из вашего письма от 7 текущего месяца я узнал, что вы находитесь в добром здоровье и вместо того, чтобы возвратиться в Россию, собираетесь провести лето у нас в Германии¹. Вы едва ли могли бы выбрать для этого более прелестное место, чем Баден-Баден². А это означало бы, что вы приедете к нам в Баварию, в горы, где у тихих лесных озер природа сохранилась еще в такой девственной красоте, равной которой вы уже не найдете больше нигде в Германии. Во всяком случае, я рад, что вы будете поблизости, так как, судя по тому, что мне рассказал г. Геннади³, посетивший меня здесь несколько месяцев назад, можно было опасаться, что вам срочно придется вернуться в Петербург⁴. Неужели вы и в этом году не сдержите своего обещания посетить нас в Мюнхене?⁵

На ваши вопросы о моем здоровье, не могу, к сожалению, ответить вполне успокоительно. Правда, оно лучше, чем зимой, но все же еще не хорошо. Из области живота боль перебросилась в голову. Особенно беспокоят меня глаза, так что я иногда по неделям пишу и читаю с мучительным напряжением. Это не помешало мне тем не менее прилежно заниматься вами, и первый том ваших сочинений в моем переводе, в который войдут мелкие рассказы (в том числе и «Постоялый двор»), будет, надеюсь, готов к печати еще в этом месяце⁶. Для пробы я дал в одну здешнюю газету «Поездку в Полесье» и прилагаю к настоящему письму корректурные листы с просьбой отметить те места, которые мне не совсем удались. К сожалению, не могу отыскать сейчас окончание рассказа, где, впрочем, не было неясных мест. Трудность представляли главным образом охотничьи выражения и провинциализмы, но я все же надеюсь, что в целом тон взят мной верно. Остальные рассказы много легче и не доставляют мне никаких особых трудностей.

Если будет возможно, я приеду к вам летом на несколько дней в Баден, где был только один раз в жизни, да и то проездом.

Ваши поклонны г-же Нелидовой⁷ я передам, как только мои ужасные головные боли позволят мне навестить ее. После ее родов я еще не виделся с нею.

Гейзе уезжает в ближайшиe недели на некоторое время в свой родной город Берлин. Он отвечает на ваш привет самым дружеским образом.

Остаюсь с неизменным почтением и преданностью

искренне привязанный к вам Ф. Боденштедт

¹ Письмо Тургенева к Боденштедту от 25 апреля/7 мая 1863 г. не сохранилось.

² В Бадене Тургенев пробыл с 21 апреля/3 мая до 12/24 ноября 1863 г.

³ Григорий Николаевич *Геннади* (1826—1880)— известный библиограф, автор ряда крупных библиографических трудов по русской литературе, истории, этнографии и др.

⁴ Боденштедт имеет в виду вызов Тургенева в Петербург в Сенат для дачи показаний по делу «О лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами». Решение о вызове Тургенева было принято еще в декабре 1862 г., но Тургенев приехал в Петербург лишь в январе 1864 г.

⁵ В 1863 г. Тургенев в Мюнхен не приезжал.

⁶ См. прим. 2 к письму 3.

⁷ Ольга Дмитриевна *Хилкова* в 1862 г. вышла замуж за дипломата Александра Ивановича Нелидова.

Reichenhall. 11. Juli 1863

Ihr Brief vom 6. d. M. kam mir erst gestern mit dem Paket, welches mir nebst vielen anderen Briefen von München nachgeschickt wurde, zu Händen und ich beantworte ihn gleich heute, so gut es gehen will mit meinem immer

noch schlimmen Daumen, da bis zu seiner völligen Heilung und neuer Nagelbildung wohl mehrere Monate vergehen werden. Ich bin von den Ärzten hierher geschickt, um mich durch kalte Salzbäder zu stärken, da die Eismschläge, welche ich wochenlang auf der rechten Hand hatte, um die Entzündung zu hemmen, mich sehr angegriffen haben. Obgleich nun diese Kur eine nichts weniger als poetische Stimmung erzeugt, so habe ich mich doch heute früh gleich an die Arbeit gemacht, um Ihren Wunsch zu erfüllen, und freue mich, Ihnen schon mit diesem Brief die Hälfte der Gedichte — diejenigen von Puschkin — übersenden zu können¹. Sollte Madame Viardot, der ich mich unbekannterweise verehrungsvollst zu empfehlen bitte, noch einige Änderungen wünschen, so können wir dieselben sehr leicht vornehmen, wenn ich, was meine Absicht ist, Ende dieses oder Anfang nächsten Monats auf ein paar Tage nach Baden komme. Sollten die Änderungen aber früher nötig sein, so streichen Sie mir die betreffenden Stellen immer an und schicken mir nach untenstehender Adresse die Blätter hierher, wo ich dann alles gleich besorgen werde. Der Name Леилы² (im ersten Gedicht) ließ sich schwer einfügen, da er im Deutschen zweisilbig und im Russischen dreisilbig ist.

Die anderen Gedichte werden schnell nachfolgen. Empfangen Sie meinen innigen Dank für die freundliche Teilnahme an meinem mich jetzt schon seit über 5 Wochen zum Invaliden machenden Unfall! Ich habe in der Tat seit dem letzten Jahre so viel gelitten, daß ich alle meine Philosophie aufbieten mußte, um nicht gänzlich den Lebensmut zu verlieren. Jetzt freue ich mich darauf, Sie wiederzusehen, und bitte nur um Entschuldigung, daß ich heute so flüchtig schreibe: es wird mir noch sehr schwer; die Feder zu führen, und ich muß mich vor jeder längeren Anstrengung hüten.

Mit verehrungsvollen Grüßen
Ihr treuergebener F. B o d e n s t e d t

Adresse: der Frau Hofrätin v. Noodt in Reichenhall.

П е р е в о д:

Рейхенхаль. 11 июля 1863

Ihre письмо от 6-го текущего месяца только вчера попало мне в руки вместе с остальной почтой, пересланной мне из Мюнхена. И я сегодня же отвечаю на него, поскольку это позволяет мой больной палец, до полного излечения которого и образования нового ногтя пройдет еще несколько месяцев. Врачи послали меня сюда для укрепления холодными солеными ваннами моего здоровья, сильно распатанного ледяными компрессами, которые мне приходилось по неделям прикладывать к правой руке, чтобы пресечь воспаление. Хотя здешнее лечение меньше всего способствует поэтическому настроению, я сегодня же с раннего утра принялся за работу, чтобы исполнить ваше желание, и очень рад, что уже с настоящим письмом могу переслать вам половину стихотворений — а именно пушкинские стихотворения¹. Если же г-жа Виардо, которой, не будучи с ней знакомым, прошу тем не менее передать мой почтительный привет, пожелает внести еще кой-какие исправления, это будет очень легко сделать, когда я приеду на несколько дней в Баден, что я намерен осуществить в конце нынешнего или в начале будущего месяца. А если исправления понадобятся раньше, отчеркните соответствующие места и пришлите мне листы сюда по указанному ниже адресу, и я сейчас же займусь этим. Имя Леилы² (в первом стихотворении) было трудно ввести в стих, так как по-немецки оно состоит из двух слогов, а по-русски — из трех.

Остальные стихи будут вскоре досланы. Примите мою искреннюю благодарность за дружеское участие, проявленное в связи с моим недугом, который длится вот уже свыше пяти недель, превратив меня в инвалида. Последний год я действительно так много перенес, что должен был призвать на помощь всю свою философию, чтобы

не потерять окончательно воли к жизни. Теперь я радуюсь, что вновь увижусь с вами, и прошу только прощения за то, что пишу так коротко. Но мне еще очень трудно водить пером, и я должен остерегаться всякого длительного напряжения.

С почтительным приветом,
преданный вам Ф. Б о д е н ш т е д т

Адрес: г-же надворной советнице фон Нодт в Рейхенхале.

¹ Письмо Тургенева от 24 июня/6 июля 1863 г. В нем Тургенев просил Боденштедта перевести на немецкий язык для музыкального альбома романсов П. Виардо ряд стихотворений Пушкина («Закливание», «Туча», «Цветок», «Ночь», «На холмах Грузии...», «Для берегов отчизны дальней...») и Фета («Шепот, робкое дыханье...», «Тихая, звездная ночь...», «Я долго стоял неподвижно...», «Полно спать: тебе две розы...», «Полуночные образы реют...»).

Альбом вышел в свет в 1864 г. в Петербурге в издательстве А. Иогансена на русском и немецком языках (см. подробнее прим. 36 к статье Х. Р а п п и х а).

² *Лейла* — имя, упоминаемое в первой строфе стихотворения Пушкина «Закливание».

7

⟨Рейхенхаль. 1/13 июля 1863 г.⟩

Reichenhall. Montag, 13. Juli 63

Hier, verehrtester Herr und Gönner, erhalten Sie nun auch das sechste Gedicht von Puschkin und die fünf anderen von Fet, der sich glücklich schätzen kann, von einer so großen Künstlerin wie Madame Viardot komponiert zu werden. Ich habe ihn bis jetzt gar nicht als Dichter gekannt und — unter uns gesagt — haben mir von den fünf Liedern nur zwei gefallen, was übrigens an der prosaischen Salzstimmung liegt, in der ich mich augenblicklich befinde.

Von den Puschkinschen Gedichten habe ich früher nur zwei übersetzt: «Туча» und «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», da ich sie aber nicht im Gedächtnis behalten und meine Übersetzung nicht zur Hand hatte, so habe ich sie frisch heraus neu ins Deutsche übertragen. Sollte sich in Baden ein Exemplar meines Puschkin auftreiben lassen, so würde es doch vielleicht geraten sein, die ältere Übersetzung mit der neueren zu vergleichen, möglich, daß Ihnen jene besser gefiele¹.

Sie schreiben mir von einem Fräulein Neuenbach². Ist das nicht eine Namensverwechslung? Ich erinnere mich nicht, je ein Fräulein Neuenbach gekannt zu haben.

Vor kurzem besuchte mich ein großer Verehrer von Ihnen, Professor Blagoweschtschenski³ aus Petersburg. Er ist nach Kissingen gegangen.

In aufrichtiger Verehrung grüßt Sie herzlich

Ihr treueregebener F. B o d e n s t e d t

П е р е в о д :

Рейхенхаль. Понедельник, 13 июля 63

Вот, милостивый государь и уважаемый доброжелатель, шестое стихотворение Пушкина и пять стихотворений Фета, который должен считать за счастье, что на его стихи сочиняет музыку такой большой мастер, как г-жа Виардо. До сих пор я совсем не знал его как поэта и, между нами говоря, из этих пяти песен мне нравятся только две; что, впрочем, зависит и от кислого прозаического настроения, в котором я сейчас нахожусь.

Из пушкинских стихотворений до этого у меня было переведено только два: «Туча» и «На холмах Грузии лежит ночная мгла...». Но я не сохранил в памяти и не имел под руками своих переводов, поэтому я заново переложил их на немецкий язык.

Если в Бадене найдется экземпляр моего Пушкина, быть может, следовало бы сравнить ранний перевод с новым, возможно, что тот больше вам понравится ¹.

Вы пишете о некоей девице Нойенбах ². Нет ли здесь путаницы в фамилии? Я не помню, чтобы знал какую-либо девицу Нойенбах.

Недавно меня посетил один большой ваш почитатель — профессор Благовещенский из Петербурга ³. Он уехал в Киссинген.

С искренним почтением, шлю вам сердечный привет.

Преданный вам Ф. Боденштедт

¹ Имеются в виду избранные поэтические произведения Пушкина в переводе Боденштедта: «Alexander Puschkin's poetische Werke, aus dem Russischen übersetzt von Fr. Bodenstedt», I—II Band. Berlin, 1854; III Band. Berlin, 1855.

² Тургенев в письме от 5/17 июля 1863 г. упомянул о г-же Штейнбах, а не о Нойенбах, как прочитал Боденштедт.

³ Возможно, речь идет о Николае Михайловиче Благовещенском (1821—1892), профессоре римской словесности Петербургского университета, авторе книги «Гораций и его время» (СПб., 1864), переводчике сатир Персия (СПб., 1873).

8

⟨Мюнхен. 29 января/10 февраля 1864 г.⟩

München, 10. Februar 1864

Eben erhalte ich einen zweiten Brief von Madame Viardot mit der unangenehmen Kunde, daß mein am Schluß des vorigen Monats an Sie abgegangener Brief mit den Übersetzungen nicht angekommen sei. Ich kann mir das immer noch nicht denken, da mein Brief unfrankiert war, das sicherste Mittel, ihn ankommen zu lassen. Fragen Sie einmal Herrn Botkin ¹, ob nicht ein Schreiben unter seiner Adresse pour remettre à M. J. T. eingetroffen sei? Inzwischen beeile ich mich, den dringenden Wunsch der Madame Viardot zu erfüllen und Ihnen zwei der Übersetzungen noch einmal zu schicken. Die dritte «Der Gefangene» hat sie Ihnen von mir selbst übersandt.

DAS VÖGLEIN

Glücklich und vor Not geborgen
Lebt das Vöglein in der Welt,
Mühelos und ohne Sorgen
Hat es leicht sein Nest bestellt.
Nächtlich träumt's im grünen Baum,
Gottes Morgenruf erklingt...
Frührot flammt am Himmelssaum,
Vöglein schüttelt sich und singt.
Auf den Lenz, den duftig frischen,
Folgt der schwüle Sommer bald,
Und mit Nebeln Stürme mischen
Sich im Herbste trüb und kalt...
Wird's uns öder, wird's uns trüber,
Fliegt zum Süden Vögelein,
Übers blaue Meer hinüber,
Fliegt zu neuem Frühling ein.

IN SCHLAFLOSEN NACHT

Schlaflos lieg' ich... ohne Licht.
Qualvoll drückt mich Langeweile,
Nur der Uhr einförmige Eile
Dumpf die Stille unterbricht.

Durch der Nacht unheimlich Dunkel
 Webt der Parze leis Gemunkel,
 Huscht das Leben scheu vorbei.
 Was drückt mir das Herz entzwei?
 Dieses geisterhafte Tönen
 Ist's ein Vorwurf oder Höhnen,
 Daß mein Tag verloren sei?
 Willst du mein Geschick erfüllen,
 Meine Zukunft mir enthüllen?
 Daß du meine Neugier stillst,
 Laß mich wissen, was du willst!

Ich habe in meinem ersten Briefe die euphonischen Gründe für die Änderung Ihrer an und für sich vortrefflichen Übersetzung angegeben ² und auch der meinigen einige Varianten beigefügt, die sich auf die angestrichenen Stellen beziehen.

1. Durch die Nacht, die trostlos schwarze
 Flüchtet drohend leis die Parze.
2. Laß mich wissen Dein Verlangen,
 Ich vernehm' es ohne Bangen.

САЛОН ПОЛИНЫ ВИАРДО В ПАРИЖЕ

Гравюра с рисунка А. Валантена, 1853 г.

Из книги: E. Texier. Tableau de Paris, t. II, Paris, 1853

Ich habe ferner die nicht von mir kommenden Gründe der Verzögerung des Druckes Ihrer Erzählungen angegeben und Sie gebeten, zu veranlassen, daß eine dortige Buchhandlung eine Anzahl von Bestellungen mache, um unserem hiesigen Verleger (M. Rieger'sche Universitätsbuchhandlung, München) zu veranlassen, die Vollendung des Druckes schneller zu betreiben.

Was ich sonst noch alles geschrieben, hab' ich nicht mehr im Gedächtnis und schließe diese eiligen Zeilen, um den Brief gleich selbst zur Post zu bringen und einen Rekommandationsschein darauf zu nehmen.

Mit bekannter Verehrung Ihr treueregebener
F. B o d e n s t e d t

П е р е в о д:

Мюнхен. 10 февраля 1864

Я только что получил второе письмо от г-жи Виардо с неприятным сообщением, что мое письмо с переводами, посланное в конце прошлого месяца, не дошло. Я никак не могу понять, в чем тут дело, потому что письмо не было франкировано, а это самый верный способ, чтобы оно дошло. Спросите-ка у господина Боткина ¹, не приходило ли что-либо в его адрес, pour remettre à M. J. T. * Тем временем спешу исполнить настоятельное желание г-жи Виардо и посылаю еще раз два перевода. Третий — «Узник» — она сама переслала вам от моего имени. <Далее следует немецкий перевод двух стихотворений Пушкина: «Птичка» и «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы».>

В своем первом письме я изложил причины эффонического характера, которые требуют изменения сделанного вами перевода, который сам по себе превосходен ². К письму я приложил несколько моих вариантов к отчеркнутым местам. <Далее приводятся немецкие варианты переводов.>

Кроме того, я сообщил о тех не зависящих от меня причинах, из-за которых происходит задержка в печатании ваших рассказов, и просил вас побудить какую-нибудь из тамошних ваших книготорговых фирм сделать некоторое количество заказов и тем побудить здешнего издателя (университетская книготорговля г. Ригера, Мюнхен) поскорее завершить печатание.

Что я еще писал, уже не помню. Заканчиваю эти, наспех набросанные строки, чтобы сейчас же самому отнести письмо на почту и взять расписку в отправке его заказным.

С неизменным уважением остаюсь преданный вам

Ф. Б о д е н ш т е д т

¹ Тургенев находился в это время в Петербурге и часто встречался там с Боткиным.

² В письме от 5/17 июля 1863 г. Тургенев сообщил Боденштедту свои замечания на присланные им переводы, отметив, что они не всегда удовлетворяют требованиям музыки. Тургенев приложил собственные опыты переводов отдельных строф из стихотворений Фета: «Гихая, звездная ночь...», «Я долго стоял неподвижно...», «Полуночные образы реют...»; первой и заключительной строф пушкинского стихотворения «Для берегов отчизны дальней...». Возможно, что Боденштедт откликается на это письмо, хотя не исключено, что он имеет в виду не дошедшее до нас письмо Тургенева от начала 1864 г.

Hier, mein verehrtester Freund, schicke ich Ihnen eine kurze Vorrede zum ersten Band Ihrer Erzählungen, mit der Bitte, sie schnell durchzusehen, auszustreichen und hinzuzufügen, was irrig ist oder der Ergänzung bedarf,

* для передачи г. И. Т. (франц.).

und mir dann das Manuskript unverzüglich zurückzuschicken, da es gleich in die Druckerei muß. Auf Ihre versprochenen, ausführlichen Notizen habe ich lange vergebens gewartet und deshalb die Abfassung der Vorrede von einem Tage zum andern hinausgeschoben, bis mir das Feuer auf den Nägeln brannte, und ich schnell nach den wenigen Andeutungen, die Sie mir gegeben und nach dem, was ich sonst gelegentlich gehört, das vorliegende Vorwort zusammenschreiben mußte, mit welchem ich selbst am wenigsten zufrieden bin, wie ich denn überhaupt in meinem jetzigen widrigen Zustande oft irre an mir selbst werde. Helfen Sie deshalb mir, so gut es gehen will! ¹

Mit herzlichem Gruß eilig
Ihr F. Bodenstedt

Перевод:

Мюнхен. 9 июля 64

Вот, глубокоуважаемый друг, краткое предисловие к первому тому ваших рассказов, которое посылаю с просьбой быстро его просмотреть, вычеркнуть все, что неверно, расширить то, что требует дополнений, а затем незамедлительно отправить рукопись обратно, так как ее нужно сейчас же сдать в типографию. Я долго и тщетно ждал обещанных вами обстоятельных заметок и поэтому откладывал со дня на день составление предисловия, пока земля не стала гореть у меня под ногами, так что я вынужден был наспех написать прилагаемое предисловие, пользуясь теми немногочисленными указаниями, которые получил от вас, и тем, что самому приходилось случайно слышать. Сам я меньше всего доволен написанным, да и вообще при нынешнем моем скверном состоянии часто бываю не уверен в себе. Помогите же мне, насколько это возможно ¹.

С сердечным приветом, второпях,
ваш Ф. Боденштедт

¹ Возвращая Боденштедту его предисловие к первому тому своих произведений, Тургенев в письме от 30 июня/12 июля отметил «только один недостаток, а именно, что в нем высказано слишком много похвалы», и попросил включить сведения о своем «изгнании» 1852—1853 гг.

10

⟨Мюнхен. 17/29 июля 1864 г.⟩

München. 29. Juli 1864

Hier, mein hochverehrter Freund, schicke ich Ihnen das Verzeichnis derjenigen Ausdrücke, welche mir in Ihren «Erscheinungen» (der Ausdruck scheint mir besser für «Призраки» als «Visionen») ¹ nicht ganz klar waren. Ich würde das schon vorige Woche getan haben, wenn ich nicht gewünscht hätte, gleich einige Exemplare des I. Bandes Ihrer Erzählungen beizulegen, der nun fertig ist. Da hab' ich von Tage zu Tage vergebens darauf gewartet, und länger kann ich mit dem Manuskript nicht warten, da die Abschrift der ersten ³/₄ des Manuskriptes schon in der Druckerei ist. Ihre «Erscheinungen» spielen in einer so lustigen und geheimnisvollen Sphäre, daß es dabei auf die Feinheit und Bestimmtheit des Ausdruckes noch mehr ankommt als bei Ihren übrigen Erzählungen. Ich halte es deshalb für das beste, das ganze Manuskript beizulegen, mit der Bitte, gütigst alles anzustreichen oder ändern zu wollen, was Ihnen nicht ganz gelungen scheint. Sie werden den Zusammenhang zwischen meinem Konzept und den letzten Bogen, die ich diktiert habe, schon herausfinden.

Der Verleger hat mir versprochen, den zweiten Band — der 4-5 kleinere Erzählungen bringen soll — noch bis Weihnachten auf den Markt zu werfen ² und wir werden dann sofort mit Ihren größeren Erzählungen

fortfahren. Sie haben deshalb wohl die Güte, das Manuskript möglichst bald zurückzuschicken, zumal ich nächste Woche, wenn das Wetter es irgend erlaubt, ins Seebad soll, um meinem Leiden womöglich ein Ende zu machen.

Neulich abends wurden bei uns wieder die Lieder der Madame Viardot gesungen. Je öfter ich sie singen höre, desto mehr entzücken sie mich. Es ist außerordentlich viel Melodie, Tiefe und Leidenschaft darin.

Vorige Woche überraschten mich ein paar sehr liebenswürdige Landsmänninnen von Ihnen durch ihren Besuch: eine Gräfin Keller nebst Tochter³. Ich erwähne das nur, weil diese beiden Damen zu den allerseltensten Erscheinungen (im edelsten Sinne) gehören, die mir je vorgekommen sind. Zwei so anmutige und dabei echt weibliche Geschöpfe habe ich in Rußland nie zu gleicher Zeit gesehen. Was macht denn Madame Kalergis?⁴ Ist sie immer noch in ihrem beklagenswerten Zustande?

Mit herzlichen Grüßen,
Ihr treuergebener F. B o d e n s t e d t

П е р е в о д:

Мюнхен, 29 июля 1864

Посылаю вам при этом, глубокоуважаемый друг, перечень выражений, которые были мне не совсем понятны в ваших «Erscheinungen» (это название мне кажется более удачным для «Призраков», чем «Visionen») ¹. Я сделал бы это еще на прошлой неделе, но мне хотелось одновременно послать вам несколько экземпляров первого тома ваших рассказов, который уже готов. Но я напрасно ждал их со дня на день и дольше ждать с рукописью не могу, так как переписанные первые три четверти рукописи уже в типографии. Действие ваших «Призраков» происходит в такой забавной и таинственной сфере, что здесь, больше чем в остальных ваших рассказах, нужны изящество и точность выражений. Я счел поэтому за лучшее приложить всю рукопись и убедительно прошу не отказать в любезности отчеркнуть или исправить все, что вам покажется не совсем удачным. Вы сами найдете переход от написанного мною черновика к последним листам, которые я диктовал.

Издатель обещал мне еще до Рождества выбросить на рынок второй том, в который войдут четыре-пять мелких рассказов ². И тогда мы сразу же займемся более крупными вашими повестями. Будьте же добры вернуть рукопись как можно быстрее, поскольку на будущей неделе, если только позволит погода, мне придется поехать к морю, чтобы морскими ваннами положить по возможности конец моей болезни.

Недавно вечером у нас опять исполнялись песни г-жи Виардо. Чем больше я их слушаю, тем больше прихожу в восторг. В них так много мелодичности, глубины, страсти.

На прошлой неделе ко мне неожиданно нагрянули две очень любезные ваши соотечественницы — некая графиня Келлер с дочерью ³. Я сообщаю об этом только потому, что обе эти дамы принадлежат к редчайшим явлениям (в самом благородном смысле слова), которые мне когда-либо приходилось видеть. Я ни разу, будучи в России, не встречал одновременно двух таких привлекательных и притом таких подлинно женственных созданий. Что подельвает мадам Калергис? ⁴ Неужели она все в том же печальном состоянии?

С сердечным приветом
преданный вам Ф. Б о д е н ш т е д т

¹ «Призраки» в переводе Боденштедта были напечатаны под предложенным им заглавием «Erscheinungen».

² Второй том произведений Тургенева, в переводе Боденштедта, вышел в ноябре 1865 г. в том же издательстве Ригера.

³ Возможно, жена сенатора гр. Э. Ф. Келлера.

⁴ Мадам Калергис — жена греческого политического деятеля генерала Дмитрия Калергиса (1803—1867). Воспитывавшийся в России, он участвовал затем в войнах за независимость Греции: с 1861 г. был греческим посланником в Париже.

⟨Мюнхен. 22 июля/3 августа 1864 г.⟩

München. 3. August, abends

Hochverehrter Freund,

Ich erhalte Ihre freundlichsten Zeilen von vorgestern, wie ich eben meinen Koffer packte zur Abreise ¹. Morgen früh 6 Uhr muß ich fort, um nachmittags meinen Verleger in Frankfurt zu treffen. Übermorgen gehe ich dann auf zwei Tage nach Schlangenbad, da meine kranke Freundin eine Lebensfrage daraus macht, mich vor meiner Reise nach Norderney nochmals zu sehen ². Ich wollte schon früher abreisen, allein die Großfürstin Helene ³ war hier,

МЮНХЕН. УНИВЕРСИТЕТ

Гравюра И. Поппеля с рисунка Г. Зеебергера

Из книги: «Erinnerungen an München». München, 1854

und ich habe ihr ein paar Tage opfern müssen, was gern geschah, da sie sehr liebenswürdig war und mit warmer Verehrung von Ihnen sprach. Der Umstand, daß ich Ihre Schriften übersetze, machte ihr soviel Freude, als ob es sie selbst beträfe, und sie nahm mir Handschlag und Wort darauf ab, ihr den ersten Band gleich nach Ragaz ⁴ zu senden.

Wenn Sie nun das Manuskript beim Eintreffen dieser Zeilen noch nicht abgesandt haben, so schicken Sie es mir nach Schlangenbad per Adresse Ihrer Erlaucht der Comtesse Luise zu Stolberg-Stolberg. Andernfalls wird es mir von München nachgeschickt, und ich mache, die nötigen Veränderungen unterwegs⁵. Einstweilen ist «Jakob Passinkoff» im Druck, der die Setzer einige Zeit beschäftigen wird.

Mit herzlichem Gruß

Ihr treueregebener F. B o d e n s t e d t

P. S. Sie erhalten hierbei zugleich die letzten und ersten Bogen des ersten Bandes. Das Buch wird bald vom Buchhändler kommen; dann mehr.

Перевод:

Мюнхен. 3 августа, вечером

Глубокоуважаемый друг,

Я получил ваши написанные два дня назад дружеские строки как раз в тот момент, когда укладывал чемодан перед отъездом¹. Я должен выехать завтра в шесть часов утра, чтобы встретиться во Франкфурте во второй половине дня с моим издателем. А послезавтра я еду на два дня в Шлангенбад, потому что моя больная приятельница хочет еще раз повидаться со мной перед моим отъездом в Нордерней² и делает из этого вопрос жизненной важности. Я собирался уехать раньше, но здесь была великая княгиня Елена³, и мне пришлось пожертвовать ей несколькими днями, что я охотно сделал, так как она была очень любезна и говорила о вас с симпатией и уважением. Она так обрадовалась, что я перевожу ваши сочинения, словно это касалось ее лично, и взяла с меня торжественное обещание выслать ей тотчас в Рагац⁴ первый том.

Если при получении этих строк окажется, что вы еще не отправили рукопись, пошлите мне ее в Шлангенбад по адресу: ее сиятельству графине Луизе Штольберг-Штольберг. В противном случае рукопись будет мне послана вдогонку из Мюнхена, и я дорогой внесу нужные исправления⁵. «Яков Пасынков» уже в типографии, и это займет на некоторое время наборщиков.

С сердечным приветом преданный вам Ф. Боденштедт

P. S. При этом посылаю вам последние и первые листы первого тома. Книга вскоре поступит от книготорговца, тогда получите больше.

¹ Письмо Тургенева от 20 июля/1 августа 1864 г.

² Нордерней — остров в Северном море, известный морскими купаньями курорт.

³ В. к. Елена Павловна (1806—1873) — жена в. к. Михаила Павловича. О встрече и беседе с ней Тургенев упоминает в письме от 16/28 января 1864 г. к П. Виардо.

⁴ Рагац — горно-климатический курорт в Швейцарии.

⁵ Рукопись Боденштедта — перевод тургеневских «Призраков» (см. выше п. 10).

12

⟨Пейне. 28 июля/9 августа 1864 г.⟩

Hochverehrter Freund,

Ich schreibe Ihnen diese Zeilen gleich nach Empfang Ihres mir aus Schlangenbad nachgeschickten Briefes¹, in meiner kleinen Vaterstadt auf dem Sprunge zur Abreise nach Norderney. Die Post geht gleich, ich kann Ihnen deshalb nur sagen: meine Adresse ist bis auf weiteres: Norderney, poste restante.

Bitte, beeilien Sie sich mit dem Manuskript². Der erste Bogen ist schon gedruckt, und ich weiß nicht, was ich machen soll.

Herzlich Ihr B o d e n s t e d t

Peine³. 9. August 64

Перевод:

Глубокоуважаемый друг,

Пишу вам настоящие строки из моего родного городка в самую минуту отъезда в Нордерней и тотчас же по получении вашего письма¹, пересланного мне из Шлангенбада. Почта сейчас уходит, и я успею только сказать, что адрес мой пока следующий: Нордерней, до востребования.

Пожалуйста, поторопитесь с рукописью². Первый лист уже отпечатан, и я не знаю, что мне делать.

Сердечно ваш Б о д е н ш т е д т

Пейне³, 9 августа 64

¹ Это письмо Тургенева не известно.

² См. прим. 5 к письму 11.

³ Пейне — городок вблизи Ганновера.

⟨Мюнхен. 28 февраля/12 марта 1865 г.⟩

München. 12. März 1865

Hochverehrter Freund,

Schon einen Tag vor dem Eintreffen Ihres Briefes ¹ erfuhr ich von Frau v. Нелидов ² (welche Sie schönstens grüßen läßt und die Absicht hat, Sie in den nächsten Wochen zu besuchen, um ihren Roman ³ mit Ihnen durchzunehmen), die Verheiratung Ihrer Tochter mit Herrn Bruère ⁴. Es hätte eine Notiz darüber in den französischen Blättern gestanden. Empfangen Sie zu dem freudigen häuslichen Ereignis nachträglich meine besten Glückwünsche. Wie wird es Ihnen vorkommen, nun bald die Rolle eines Großpapa spielen zu müssen? Man sagt, die Zeit geht hin-allein, das ist unrichtig; die Zeit steht still, und wir gehen hin. Dies letzte Jahr hat mich dergestalt mitgenommen, daß ich mich über mich selbst wundere, den vielen tückischen Heimsuchungen des Schicksals nicht erlegen zu sein. Mein guter Freund Melchior Meyr ⁵, der ein Buch geschrieben hat, worin er uns die ausführlichste Kunde über Gott und sein Reich gibt, macht schon seit längerer Zeit eingehende Studien an mir, um sich darüber klar zu werden, welche weisen Absichten Gott bei den vielen Leiden und Plagen, womit er mir mein Haus heimsuchte, eigentlich verfolgt.

Eben trifft der Brief Ihres Bankiers ein. Ich beeile mich Ihnen herzlich für die schleunige Erfüllung meiner Bitte ⁶ zu danken und beeile mich, die Quittung beizulegen, welche Sie wohl die Güte haben, den H. Müller u. Co. zu übermitteln. Es tut mir unendlich leid, daß ich Ihnen gerade zu so ungelegener Zeit gekommen bin, doch in allen Geschäftsangelegenheiten war ich von jeher ein Unglücksvogel und werde es wohl auch bleiben.

Der Madame Viardot bitte ich mich freundlichst zu empfehlen und ihr zu sagen, daß ich die Lieder gern übersetzen will ⁷, wenn sie mir ein wenig Zeit dazu lassen kann. Mein Kopfschmerz läßt mir nur selten eine leichte Stunde kommen und macht mir oft unmöglich, was mir sonst spielend gelingt. Doch schicken Sie mir die Lieder umgehend, ich werde mit Freuden tun, was ich kann.

Mit herzlichen Grüßen und aufrichtiger Verehrung

Ihr treuegebener F. B o d e n s t e d t

Перевод:

Мюнхен. 12 марта 1865

Глубокоуважаемый друг,

Еще за день до прибытия вашего письма ¹, от г-жи Нелидовой ² (которая просит передать вам горячий привет и намерена в ближайшие недели навестить вас, чтобы вместе с вами посмотреть ее роман ³) я узнал о свадьбе вашей дочери с г-ном Брюэром ⁴. Заметка об этом была во французских газетах. По случаю этого радостного семейного события примите, хотя и задним числом, мои лучшие пожелания. А что вы скажете, если вам придется вскоре играть роль дедушки? Говорят, что время уходит; это неверно: время стоит на месте, а уходим мы. Последний год так много взял у меня, что я сам удивляюсь, как я устоял перед столькими коварными происками судьбы. Мой добрый друг Мельхиор Мейр ⁵, написавший книгу, в которой сообщает нам подробнейшие сведения о божестве и царствии божьем, уже довольно давно подвергает меня тщательному исследованию с тем, чтобы установить, какую собственно говоря мудрую цель преследовал господь, поразив мой дом столькими мучениями и страданиями.

Только что пришло письмо от вашего банкира. Спешу сердечно поблагодарить вас за быстрое исполнение моей просьбы ⁶ и тороплюсь приложить расписку, которую

не откажите препроводить гг. Мюллеру и К°. Я бесконечно сожалею, что обратился к вам в такое неподходящее время, но в делах я всегда был неудачником и верно таким и останусь.

Пропу передать самый дружеский привет г-же Виардо и сказать ей, что я охотно возьмусь за перевод песен ⁷, если только она предоставит мне для этого немного времени. Головная боль так редко дает мне передышку, что я часто не в состоянии выполнить то, что раньше делал играючи. Все же пришлите мне побыстрее песни, я с радостью сделаю, что смогу.

С сердечным приветом и искренним уважением остаюсь

ваш Ф. Боденштедт

¹ Письмо Тургенева от 23 февраля/7 марта 1865 г.

² См. прим. 7 к письму 5.

³ О каком произведении О. Д. Нелидовой идет речь, остается неясным.

⁴ Свадьба дочери Тургенева Полины с Гастоном Брюэром состоялась 13/25 февраля 1865 г. В письме от 23 февраля/7 марта 1865 г. Тургенев сообщил об этом Боденштедту.

⁵ Мельхиор *Мейр* (1810—1871) — поэт, романист и драматург, автор религиозно-философских сочинений. Боденштедт имеет в виду книгу Мейра «*Gott und sein Reich*» (1860).

⁶ Боденштедт просил Тургенева ускорить высылку ему денег за перевод стихотворений для музыкального альбома П. Виардо.

⁷ В письме от 23 февраля/7 марта 1865 г. Тургенев предложил Боденштедту перевести еще шесть стихотворений для второго альбома романсов П. Виардо: «*M-me Viardot, die Sie recht freundlich grüßen läßt, hat ein zweites Heft von abermals 12 russischen Liedern komponiert; sechs davon sind nicht übersetzt. Würde es nicht zu viel von Ihrer Cefälligkeit verlangt sein — wenn ich mich wieder an Sie wenden sollte? Nur die Leichtigkeit, mit der Sie gleichsam spielend, solche Arbeiten zu Wege bringen, gibt mir den Mut, Sie damit zu belästigen. Sie müssen mir aber offenerzig sagen—ob es Ihnen gerade jetzt nicht vielleicht unangenehm sein würde?»** Альбом вышел в свет в 1865 г. в Петербурге в издательстве А. Иогансена (см. подробнее прим. 36 к статье Х. Раппиха).

München. 2. Juni 66

Hochverehrter Freund,

Ich weiß kaum, wie ich es anfangen soll. mich zu entschuldigen, Ihren letzten Brief so lange unbeantwortet gelassen zu haben ¹. Als er eintrat, herrschte in meinem Hause eine unbeschreibliche Verwirrung und Krankheitsnot. Meine Frau mußte den größten Teil des Winters hindurch das Bett hüten, meine Kinder lagen an Typhus und Dyphterie danieder, und ich hatte mich eben einer widerwärtigen Operation unterwerfen müssen, welche darin bestand, daß man mir einen großen Polypen aus der Nase schnitt. Nachdem die berühmtesten Ärzte 12 Jahre an mir herumkuriert hatten, ohne mich von meinem Gesichts- und Kopfschmerz befreien zu können, kam endlich der jüngste von ihnen auf die Vermutung, daß mein Nasenkanal eine Polypenhöhle und somit der Sitz alles Übels sei. Es ist mir durch die sofort vorgenommene Operation eine kleine Erleichterung zuteil geworden, allein die Operation muß in diesen Tagen wiederholt werden, da der Arzt

* Г-жа Виардо, которая шлет вам дружеский привет, сочинила вторую тетрадь, состоящую также из 12 русских песен, из которых шесть не переведены. Не будет ли с моей стороны слишком большим посягательством на вашу любезность, если я снова прибегну к вам в этом случае? Только легкость, с какою вы исполняете подобные работы, как бы играючи, дает мне смелость утрудять вас этою просьбою. Но вы должны сказать мне совершенно откровенно — не будет ли эта работа как раз в настоящее время вам неприятна? (нем.).

ganz oben noch drei Polypen entdeckt hat, die ebenfalls heraus müssen. So benutze ich denn die kurze Frist, um meine drückendsten Briefschulden abzuzahlen, deren es leider viele gibt. Bis in den Mai hinein war ich, abgesehen von meinen häuslichen Sorgen, dermaßen durch die Theatergeschäfte in Anspruch genommen, daß ich an nichts anderes denken konnte. Sie wissen, ein Deutscher nimmt alles gründlich und gewissenhaft, und das Publikum war mir auch sehr dankbar für die schöne Vorstellung, welche ich als *Τραγῶδιος διδάσκαλος* zu Wege brachte, allein mit meinen übrigen, mir wichtigeren Arbeiten war das auf die Dauer unvereinbar; dazu machte ich die Erfahrung, daß das Wort «travailler pour le roi de Prusse», auch auf die anderen Könige passe, und so benutzte ich den ersten Anlaß, um mich vom Theater zurückzuziehen. Ich bin in dem halben Jahr buchstäblich kaum zur Besinnung gekommen, und das soll ein Poet nicht von sich sagen dürfen.

Doch nun zu dem, was Sie zunächst betrifft. Der zweite Band Ihrer Erzählungen ist, wie Sie wissen, von den Journalen noch mehr gerühmt worden ², aber, wie der Verleger behauptete, nicht so gut gegangen als der erste, weshalb Rieger auch nicht darauf eingehen wollte, *gleich* einen dritten folgen zu lassen, obgleich er kontraktlich *gezwungen* ist, wenigstens 3 Bände zu bringen. Mein Plan war auf 4 Bände angelegt: der vierte sollte die schon zwischen uns vereinbarten kleinen Erzählungen und der dritte den Roman «Väter und Kinder» bringen, den ich schon gleich nach seinem Erscheinen anfang zu übersetzen. Augenblicklich ruht der Buchhandel ganz, und Rieger ist zu nichts zu bringen. Allein diese Panik kann nicht lange dauern und, gleichviel ob der gefürchtete Krieg ausbricht oder nicht ³, es wird binnen wenigen Monaten eine Reaktion eintreten, die neues Leben in die Geschäfte bringt, gerade wie das nach den Wirren von 1848 der Fall war. Ich rechne fest darauf, einen neuen Band auf den Weihnachtsmarkt werfen zu können.

Nelidoffs müssen schon vor einiger Zeit, ohne von mir Abschied zu nehmen, München verlassen haben, denn als ich sie vorige Woche besuchen wollte, fand ich ihre Wohnung samt den Fensterläden geschlossen. Ich hätte Sie längst in Baden besucht, wenn das irgend möglich gewesen wäre, denn ich sehne mich unendlich nach einer kleinen Ausspannung. Nun hat aber meine schon hoch in Siebzigern stehende Mutter mir den Wunsch ans Herz gelegt, meine älteste Tochter ein paar Monate bei sich zu haben, und diesen Wunsch muß ich erfüllen, obgleich ich meine liebe Not habe, die mit der weiten Reise verbundenen Kosten nach den schweren Heimsuchungen des Winters zu erschwingen. Sie würden mir deshalb einen großen Gefallen tun, wenn Sie die Güte haben wollten, mir den Rest der versprochenen Gelder zu schicken, da ich wirklich in großer Verlegenheit bin ⁴.

Und nun will ich schließen mit dem Wunsch, daß es Ihnen besser gehe als mir in dieser unheilvollen Zeit.

Mit herzlichen Grüßen

Ihr in alter Verehrung treuergebener

F. B o d e n s t e d t

Перевод:

Глубокоуважаемый друг,

Не знаю, с чего и начать свои извинения, что я так долго оставлял без ответа ваше последнее письмо ¹. Когда оно пришло, дома у меня царили неописуемые сумятица и болезни. Жена почти всю зиму вынуждена была не покидать постели, дети болели тифом и дифтерией, а мне самому пришлось подвергнуться препротивной операции, состоявшей в том, что у меня из носа вырезали большой полип. После того как

знаменитейшие врачи двенадцать лет возились со мной, не будучи в состоянии избавить меня от болей в лице и в голове, самый молодой из них предположил, наконец, что мой носовой канал заполнен полипами и тем самым превратился в очаг всяческих болезней. Предпринятая тут же операция принесла некоторое облегчение, но ее необходимо на днях повторить, так как врач обнаружил в верхней части полости еще три полипа, которые также следует удалить. Вот я и воспользовался короткой передышкой, чтобы расплатиться с самыми неотложными долгами по переписке, которых, к сожалению, набралось много. Независимо от домашних своих забот, вплоть до мая я был так занят театральными делами, что не мог и думать о чем-либо другом. Вы знаете, что немцы делают все основательно и добросовестно, и публика была мне очень признательна за прекрасный спектакль, который я поставил в качестве *Τραγῳδία διδάσκαλος* *. Однако это было совершенно несовместимо с другими, более важными для меня работами. К тому же я убедился, что выражение «travailler pour le roi de Prusse» ** применимо и к другим королям, и я воспользовалась первым же предложением, чтобы отойти от театра. За полгода я буквально не мог опомниться, а поэт не должен позволять говорить о себе это.

Но перехожу к тому, что является для вас самым важным. Второй том ваших рассказов, как вы знаете, был еще больше расхвален журналами ², но, по утверждению издателя, шел не так хорошо, как первый. Вот почему Ригер и не соглашался *сразу* выпустить третий, хотя по контракту он *обязан* издать самое меньшее три тома. Мой план предусматривал четыре тома; четвертый должен был содержать те маленькие рассказы, о которых мы уже договорились, а третий — роман «Отцы и дети», который я тотчас же по выходе его в свет начал переводить. В настоящее время в книжной торговле полный застой, и Ригера никак нельзя угуборить. Но такая паника долго продолжаться не может, независимо от того, вспыхнет или не вспыхнет эта война, которой все так боятся ³; пройдет немного месяцев и наступит реакция, и она вдохнет в дела новую жизнь, совершенно так же, как это было после смуты 1848 г. Я твердо рассчитываю выпустить к рождественской ярмарке новый том.

Нелидовы, по-видимому, уже довольно давно, не простившись со мной, уехали из Мюнхена, потому что, когда на прошлой неделе я захотел навестить их, я нашел квартиру на замке, с закрытыми ставнями. Я бы давно уже посетил вас в Бадене, если бы имел хоть малейшую возможность, так как без конца мечтаю хотя бы о маленьком отдыхе. А тут моя мать, которой уже давно перевалило за семьдесят, настоятельно просит меня отсутствовать к ней на несколько месяцев мою старшую дочь, и я должен исполнить ее желание, хотя после всех зимних испытаний мне нелегко будет покрыть расходы, связанные с дальней поездкой. Вы очень обяжете меня поэтому, если будете так любезны прислать остаток обещанных денег, потому что я и в самом деле нахожусь в очень стесненных обстоятельствах ⁴.

На этом кончаю с пожеланием, чтобы вам жилось лучше, чем мне все это злополучное время.

С сердечным приветом, неизменно уважающий вас и преданный вам

Ф. Боденштедт

¹ Письмо Тургенева от 5/17 ноября 1865 г.

² Обзор отзывов немецкой критики на мюнхенское издание повестей Тургенева в переводе Боденштедта — см. ниже в статье Х. Раппиха.

³ Речь идет об австро-прусских отношениях, растущая напряженность которых привела в середине 1866 г. к войне между Австрией и Пруссией.

⁴ В ответ на эту просьбу Тургенев писал Боденштедту 13/25 июня 1866 г. из Бадена-Бадена: «Hiermit schick'ich Ihnen 125 Taler (die Hälfte der noch schuldigen Summe — leider kann ich eben jetzt über mehr nicht disponieren — der Rest folgt aber baldigst)» ***.

* постановщика трагедии (греч.).

** «работать на прусского короля» (франц.). Выражение, аналогичное русскому: «работать на чужого дядю».

*** «При этом посылаю вам 125 талеров (половину следуемой вам суммы — к сожалению, теперь я не могу выслать больше — но в самом скором времени остальное будет вам отправлено)» (нем.).